

ЭКОНОМИКА И ПАРАДИГМА НОВОГО ВРЕМЕНИ

ISSN 2587-5981

**Периодическое издание
Выпуск № 10
Казань, 2025**

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ
РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ**

**"ЭКОНОМИКА И ПАРАДИГМА
НОВОГО ВРЕМЕНИ"**

**Выпущено под редакцией
Научного объединения
«Вертикаль Знаний»**

РОССИЯ, КАЗАНЬ

2025 год

Основное заглавие: Экономика и парадигма нового времени

Параллельное заглавие: Economics and the paradigm of the new time

Языки издания: русский (основной), английский (дополнительный)

Учредитель периодического издания и издатель: Научное объединение
«Вертикаль Знаний»

Место издания: г. Казань

Формат издания: электронный журнал в формате pdf

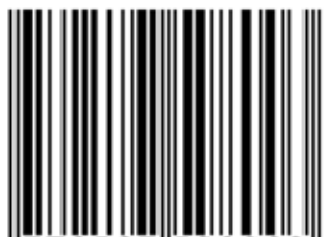
Периодичность выхода: 1 раз в месяц

ISSN: 2587-5981

Редколлегия выпуска:

1. Королук Елена Владиславовна – д-р экон. наук, доцент, Кубанский государственный университет, филиал в г. Тихорецке.
2. Мезенцева Екатерина Викторовна – канд. экон. наук, доцент, Кубанский государственный университет, филиал в г. Тихорецке.
3. Самигуллин Эльдар Валиевич – д-р экон. наук, профессор, Кыргызский экономический университет, г. Бишкек, Кыргызстан.
4. Гасило Елена Александровна – канд. экон. наук, доцент, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского, г. Донецк.

ISSN 2587-5981

9 772587 598003 >

ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ ВЫПУСКА:

Экономика и парадигма нового времени. – 2025. – № 10 (43).

**МЕЖДУНАРОДНОГО РЕЦЕНЗИРУЕМОГО НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ЭКОНОМИКА И ПАРАДИГМА НОВОГО ВРЕМЕНИ»**

Выпуск № 8 / 2025

Стр. 6 Голобородько В.В.

Анализ системы сбалансированных показателей управления ПАО «СИБУР Холдинг»

Стр. 17 Кузьмина Е.Ю.

Совершенствование механизма таможенного регулирования инновационной деятельности в сфере внешнеэкономической деятельности

Стр. 24 Черкизов А.А.

Сравнительный анализ уровня жизни населения в Японии, Южной Корее и Китае в социальных аспектах

Стр. 30 Черкизов А.А.

Сравнительный анализ уровня жизни населения в Японии, Южной Корее и Китае в экономических аспектах

Стр. 36 Тимошин А.А., Тулин Д.А.

Цифровизация как стратегический ресурс устойчивого развития производственных систем

Стр. 41 Чулюкина (Городкова) Н.И.

Особенности рекламы российских обувных брендов: на примере Ralf Ringer

Стр. 49 Айвазашвили Л.О.

История развития математических методов в экономической науке

Стр. 57 Волохов М.М.

Влияние модели ADKAR на устойчивость изменений в организациях

Стр. 63 Инюшина Н.А.

Современное состояние и направления совершенствования банковской системы Российской Федерации

Стр. 73 Платонова Д.О., Попова К.Д.

Автомобильная промышленность в странах США и России

Стр. 80 Платонова Д.О., Попова С.Д.

Транспортный налог в США и России

Стр. 86 Берг Д.А.

Влияние санкционной политики на выбор условий поставки по Инкотермс в российской внешней торговле

Стр. 94 Берг Д.А.

Противоречия применения Инкотермс в условиях единого экономического пространства ЕАЭС

УДК 33

АНАЛИЗ СИСТЕМЫ СБАЛАНСИРОВАННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ УПРАВЛЕНИЯ ПАО «СИБУР ХОЛДИНГ»

Голобородько Валерия Валентиновна,
Нижевартовский государственный университет,
г. Нижневартовск

E-mail: lera.goloborodko.2015@mail.ru

Аннотация. В статье представлена доработанная и систематизированная версия исследования по анализу системы сбалансированных показателей (ССП) ПАО «СИБУР Холдинг». На основе теоретических положений и эмпирических данных компании (2019-2023 гг.) выполнен комплексный анализ структуры СПП, оценка ключевых показателей по перспективам, выявлены методологические, технологические и организационные проблемы. На их основе сформулированы конкретные направления оптимизации СПП, включающие доработку методик ESG, интеграцию методик в операционные процессы, усиление IT-инфраструктуры и кадрового потенциала, а также меры по повышению гибкости и мотивации. Представлены практические рекомендации и дорожная карта внедрения. Результаты полезны для практиков и исследователей, работающих над совершенствованием систем стратегического управления в крупной промышленной компании.

Abstract. The article presents a revised and systematized version of the Balanced scorecard analysis study PJSC SIBUR Holding. Based on the theoretical provisions and empirical data of the company (2019-2023), a comprehensive analysis of the structure of the SSP was carried out, an assessment of key indicators for the prospects, methodological, technological and organizational problems were identified. Based on them, specific areas of SSP optimization have been formulated, including the refinement of ESG techniques, the integration of techniques into operational processes, the strengthening of IT infrastructure and human resources, as well as measures to increase flexibility and motivation. Practical recommendations and an implementation roadmap are presented. The results are useful for practitioners and researchers working on improving strategic management systems in a large industrial company.

Key words: balanced scorecard, KPI, strategic map, ESG, digitalization, petrochemical company.

Ключевые слова: сбалансированная система показателей, KPI, стратегическая карта, ESG, цифровизация, нефтегазохимическая компания.

Введение. В современном мире нефтегазовая отрасль играет ключевую роль в экономике многих стран, включая Россию, где на долю этой

отрасли приходится более 30% валютных поступлений и значительная часть налоговых доходов. Согласно данным Министерства энергетики Российской Федерации, в 2022 году объем добычи нефти составил около 535 миллионов тонн, а природного газа – более 700 миллиардов кубометров. В то же время, глобальные тенденции, включая переход к альтернативным источникам энергии и стремление к углеродной нейтральности, предъявляют новые требования к управлению нефтегазовыми компаниями. В условиях жесткой конкуренции и политической нестабильности необходимость эффективного управления становится особенно актуальной. В этой связи система сбалансированных показателей (далее ССП) представляет собой мощный инструмент, позволяющий оценивать и управлять результатами деятельности компаний, учитывая, как финансовые, так и нефинансовые факторы.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности стратегического управления в крупных интегрированных промышленных компаниях на фоне ускоряющейся цифровизации, растущих ESG-требований и волатильности рынков. ПАО «СИБУР Холдинг» – крупнейшая российская нефтегазохимическая компания, активно внедряющая ССП как инструмент трансляции стратегии в оперативные действия.

Целью данного исследования является доработать и систематизировать анализ ССП ПАО «СИБУР», обосновать направления оптимизации для повышения управленческой ценности системы.

Задачи исследования:

1. Описать теоретические основы ССП и критерии качества КРІ.
2. Провести структурированный анализ ССП ПАО «СИБУР» на основе открытых данных (2019-2023).
3. Выявить ключевые проблемные области (методологические, технологические, организационные).
4. Разработать практические направления и дорожную карту оптимизации ССП.

Методология исследования включает анализ документов компании (годовые отчёты, стратегии), количественный анализ динамики КРІ, экспертную оценку качества показателей по мультикритериальной модели и синтез рекомендаций на основе best-practice BSC.

Методы и материалы исследования. Система сбалансированных показателей (ССП) – это метод управления, который помогает организациям переводить стратегические цели в измеримые результаты. Основная идея заключается в том, чтобы сочетать финансовые и нефинансовые показатели, что позволяет получить более комплексное представление о деятельности компании.

Начальной точкой в построении ССП является анализ процессов – деятельность, которая дает организации возможность постоянно совершенствовать свои процессы через мониторинг их эффективности и таким образом повышать эффективность организации [2].

Анализ процесса нацелен на достижение единого понимания текущего состояния процесса и того, насколько он соответствует целям организации в текущей бизнес-среде.

В первую очередь анализ процессов организации должен концентрироваться на процессах, создающих большую ценность, к которым относятся [2]:

1. Процессы, обеспечивающие деятельность, представляющие большую ценность для бизнеса.
2. Процессы, оказывающие большое влияние на доходы.
3. Кросс-функциональные процессы, нуждающиеся в координации.
4. Процессы взаимодействия с клиентами.

ССП приводит в соответствие друг другу основные цели: клиентские, финансовые, процессные, кадровые (рисунок 1).

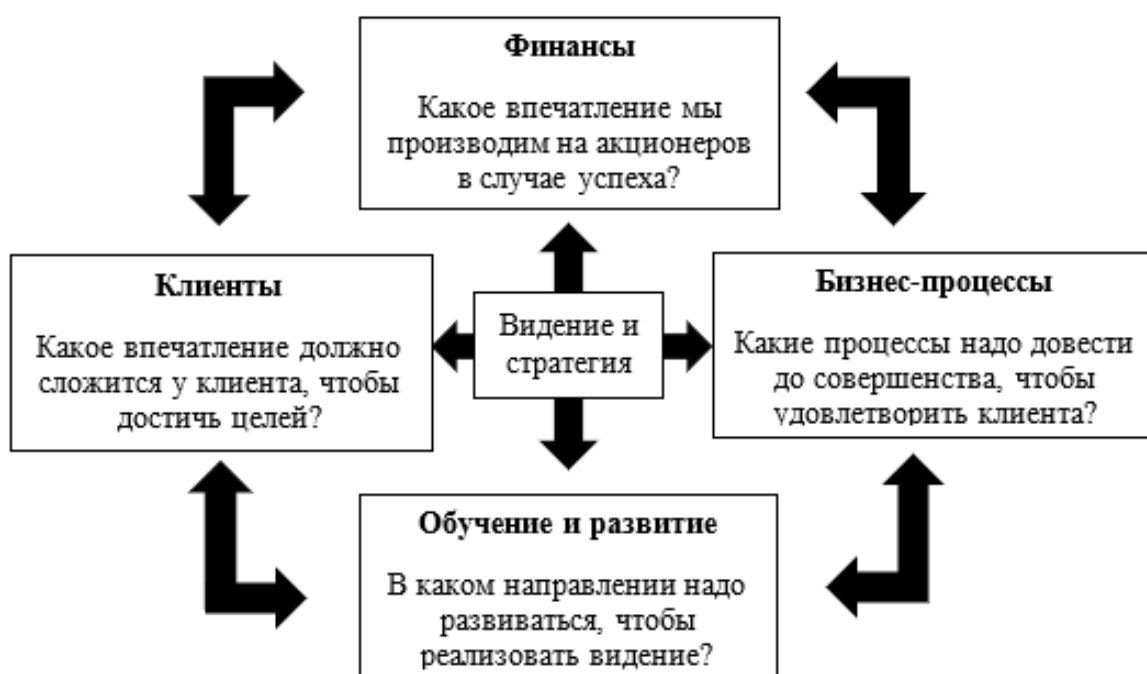

Рис. 1 Сбалансированная система показателей [1]

Исходя из данных можно сделать вывод о том, что ССП обеспечивает менеджмент универсальным механизмом, который интерпретирует мировоззрение и стратегию компании через набор взаимозависимых показателей.

Рассмотрим цепочку причинно-следственных связей в виде вертикального (рисунок 2).

Рис. 2 Схема причинно-следственных связей стратегической карты ССП [1]

Исходя из данных представленный на схеме можно сделать вывод о том, что ССП должна быть правильно разработана, чтобы представлять стратегию компании и определять связи между критериями результатов и факторами их достижения. Каждый показатель в ССП должен быть частью цепи причинно-следственных связей, которая объясняет смысл стратегии компании всем сотрудникам.

На основе открытых публикаций и годовых отчетов компании за 2024 г. составим структуру ССП (таблица 1).

Таблица 1

Базовая структура ССП СИБУР

Показатель ССП	Основная цель	Примеры KPI (типовые)	Источники данных	Частота отчетности
Финансы	Создание стоимости, рентабельность	Выручка, EBITDA, маржа по продуктовым линиям	ERP, финансовый CPM	Ежемесячно / квартал
Клиент	Доля рынка, удовлетворенность клиентов	Доля экспорта, NPS, поставки ключ. клиентов	CRM, коммерч. аналитика	Квартально
Процессы	Производственная эффективность и надежность	OEE, выход продукции, потери сырья	MES, CMMS, ERP	Ежемесячно / ежедневно (OT)
Персонал, обучение	Кадровая устойчивость и развитие	Текущность, обучаемость, KRA	HRIS, LMS	Квартально
ESG / Безопасность	Экологическая и промышленная безопасность	Эмиссии CO2, аварии, потребление воды	Системы HSE, EHS-отчеты	Квартально / год
Риск и комплаенс	Управление рисками проектов и регуляторикой	Кол-во рисков со значением > threshold	ERM, реестры рисков	Квартально

ССП в Обществе охватывает традиционные четыре перспективы с обязательным выделением ESG и Risk-перспектив, что отражает отраслевую специфику и регуляторные ожидания. Источники KPI распределены между операционными системами (MES, ERP), HR/CRM и специализированными системами HSE/ERM, что обеспечивает интегрированное управление всеми аспектами деятельности компании.

Рассмотрим более подробно каждый из показателей.

Исходя из обзоров ключевых показателей деятельности в период с 2020 по 2024 год проанализируем ключевых финансовых показателей (таблица 2).

Таблица 2

Динамика ключевых финансовых показателей СИБУР за 2020-2024 годы

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024
Выручка (млрд руб.)	734,8	877,6	1 032,0	1 086,9	1 170,9
EBITDA (млрд руб.)	290,4	368,7	487,8	487,8	476,9
Чистая прибыль (млрд руб.)	89,2	135,7	168,5	168,5	196,4
Рентабельность по EBITDA (%)	39,5	42,0	47,3	44,9	40,7

Анализ финансовых показателей демонстрирует устойчивый рост выручки на 59% за 5 лет (с 734,8 млрд руб. в 2020 году до 1 170,9 млрд руб. в 2024 году) и увеличение чистой прибыли на 120% за 5 лет (с 89,2 млрд руб. до 196,4 млрд руб.), что свидетельствует об эффективности финансовой стратегии компании и её способности генерировать стоимость для акционеров в условиях рыночной волатильности.

Втором показателем, на который мы обратим внимание станет стратегия развития клиентской базы, которая ориентирована на расширение географии присутствия, диверсификацию портфеля клиентов и повышение качества обслуживания (таблица 3).

Таблица 3

Показатели клиентской эффективности СИБУР

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024
Количество клиентов	1,5 тыс.	1,8 тыс.	2,1 тыс.	2,3 тыс.	2,5 тыс.
Индекс удовлетворенности клиентов (CSI)	80%	85%	87%	88%	90%
Доля новых продуктов в portfolio	15%	18%	22%	25%	28%

Исходя из данных, мы видим, что устойчивый рост клиентской базы за 5 лет вырос на 67% (с 1,5 тысячи до 2,5 тысячи клиентов), это указывает на успешную реализацию стратегии расширения присутствия на новых рынках.

Повышение индекса удовлетворенности клиентов с 80% до 90% демонстрирует эффективность инвестиций в качество продукции и уровень сервиса.

Развитие операционной эффективности является приоритетом СИБУР в контексте повышения конкурентоспособности и внедрения инновационных технологий. Проанализируем показатели операционной деятельности за пятилетний период (таблица 4).

Таблица 4

Показатели операционной эффективности СИБУР за 2020-2024 годы

Показатель	2020	2021	2022	2023
Количество производственных площадок	10	12	14	15
Страны присутствия	80	100	110	120
Производительность труда (млн руб./чел.)	2,5	3,0	3,5	3,8
Уровень цифровизации бизнес-процессов	40%	55%	70%	80%

Исходя из данных, мы видим расширение географии присутствия с 80 до 120 стран, что демонстрирует глобальную стратегию развития компании. Увеличение количества производственных площадок с 10 до 15 свидетельствует о стратегии интеграции производственной цепочки и развитии мощностей в ключевых регионах.

Персонал – ключевой показатель развития любой компании, а формирование оптимальной организационной структуры одна из ключевых проблем в развитии и продвижении многих компаний (таблица 5).

Таблица 5

Показатели развития персонала СИБУР за 2020-2024 годы

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024
Численность сотрудников	42 000	44 358	45 500	46 200	47 000
Часов обучения на сотрудника	50	70	80	90	100
Доля женщин в компании	30%	33%	35%	37%	40%
Индекс вовлеченности сотрудников	70%	76%	78%	80%	82%

Мы наблюдаем увеличение численности сотрудников с 42 тысяч до 47 тысяч, что отражает стратегию расширения деятельности и укрепления кадрового потенциала. Последовательное инвестирование в развитие персонала, выраженное в удвоении часов обучения на одного сотрудника (с 50 до 100 часов в год), демонстрирует стратегический подход к развитию компетенций и подготовке кадров.

Помимо этого, СИБУР интегрирует ESG-принципы в систему сбалансированных показателей, рассматривая их как ключевой элемент стратегического управления. Национальное Рейтинговое Агентство подтвердило наивысший рейтинг компании на уровне AAA.esg, что свидетельствует о высоком качестве управления ESG-факторами.

Таблица 6

Динамика ESG-показателей СИБУР за 2020-2024 годы

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024
Выбросы парниковых газов (тыс. тонн CO ₂ -экв.)	4 200	4 050	3 900	3 750	3 600
Энергоэффективность (%)	15	18	22	25	28
Доля переработанных отходов	35%	40%	45%	50%	55%
Инвестиции в экологические проекты (млн руб.)	500	750	1 000	1 250	1 500
Социальные инвестиции (млн руб.)	250	350	450	550	650

Исходя из данных, представленных в таблице, можно сделать вывод о том, что последовательное снижение углеродного следа на 14% за пятилетний период (с 4 200 до 3 600 тыс. тонн CO₂-экв.) демонстрирует эффективность климатической стратегии компании и её приверженность целям устойчивого развития. Улучшение энергоэффективности с 15% до 28% свидетельствует о внедрении современных технологий и оптимизации производственных процессов.

Безопасность без компромиссов – это ключевой принцип деятельности СИБУР. Далее более подробно рассмотрим характеристики, которые отражают уровень защищённости работников, имущества и окружающей среды от воздействия негативных факторов, происшествий и опасных производственных факторов (таблица 7).

Таблица 7

Показатели производственной безопасности СИБУР за 2020-2024 годы

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024
Коэффициент частоты травм (LTIFR)	0,35	0,30	0,25	0,20	0,15
Количество несчастных случаев	12	10	8	6	4
Инвестиции в безопасность (млн руб.)	300	400	500	600	700
Доля сотрудников, прошедших обучение по безопасности	85%	90%	92%	95%	98%

Мы видим Последовательное снижение коэффициента частоты травм (LTIFR) на 57% за пятилетний период (с 0,35 до 0,15) свидетельствует об эффективности системы управления производственными рисками. Сокращение количества несчастных случаев с 12 до 4 подтверждает результативность инвестиций в безопасность и обучение персонала.

Также СИБУР уделяет большое внимание инструментам, которые используются для оценки степени риска и помогают в управлении рисками, рассмотрим их более подробно в таблице 8.

Таблица 8

Показатели риск-менеджмента и комплаенса СИБУР за 2020-2024 годы

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024
Количество выявленных комплаенс-рисков	120	100	80	60	40
Сумма предотвращенных штрафов (млн руб.)	150	200	250	300	350
Доля сотрудников, прошедших комплаенс-обучение	70%	80%	85%	90%	95%
Количество внутренних расследований	15	12	10	8	6

Исходя из статистики, мы видим снижение количества выявленных комплаенс-рисков на 66% за пятилетний период (с 120 до 40) и рост суммы предотвращенных штрафов на 133% (с 150 млн до 350 млн руб.) демонстрируют эффективность превентивных мер и развития комплаенс-культуры. Увеличение охвата комплаенс-обучением с 70% до 95% подтверждает системный подход к развитию этического поведения во всей организации.

На основе анализа открытых публикаций, годовых отчётов и стратегии устойчивого развития Общества построена комплексная стратегическая карта ССП, отражающая причинно-следственные связи между всеми перспективами (таблица 9).

Стратегическая карта ССП СИБУР отражает комплексный подход компании к управлению, интегрирующий финансовые и нефинансовые аспекты деятельности с фокусом на долгосрочное устойчивое развитие до 2030 года.

Таблица 9

Стратегическая карта ССП

Стратегическая карта сбалансированной системы показателей		
Стратегические задачи	Стратегические показатели	Цель
1. Финансы		
Обеспечение устойчивого роста выручки	Выпуск "устойчивых" продуктов	400 тыс. тонн к 2029 году
Повышение рентабельности бизнеса	Доля продукции в решениях с вкладом в устойчивое развитие	25% к 2029 году
Оптимизация инвестиционного портфеля	Рост выручки от "устойчивых" продуктов	Планомерное увеличение
2. Клиенты		
Расширение клиентской базы	Развитие инновационных решений	Развитие марочного ассортимента с вовлечением вторичных и биоматериалов
Повышение удовлетворенности клиентов	Технологии	Разработка технологий химической переработки смешанных пластиков
Развитие инновационных решений	Вторичная переработка	Вовлечение 600 тыс. тонн полимерных отходов (2025-2029)
3. Бизнес– процессы		
Экология	Снижение водопотребления на 10%	На 10%
Экология	Предотвращение захоронения отходов	20 тыс. т отходов
Экология	Расширение мониторинга качества воздуха	Внедрение автоматизированных постов
Климат	Снижение удельных выбросов парниковых газов	На 10% на тонну продукции
Климат	Увеличение "зеленой" электроэнергии	В 2 раза
Климат	Углеродная нейтральность	2 предприятий
4. Обучение и развитие		
Раннее вовлечение молодежи	Доля молодых специалистов	≥50% по программам раннего трудоустройства
Гендерное равенство	Доля женщин в инженерных специальностях	До 30%
Развитие персонала	Охват инструментами производственной психологии	100% сотрудников

Продолжение таблицы 10

Стратегическая карта сбалансированной системы показателей		
Стратегические задачи	Стратегические показатели	Цель
5. ESG-перспектива		
Экосистемы и биоразнообразие	Поддержка проектов восстановления	Не менее 2 проектов по редким видам
Экосистемы и биоразнообразие	Выпуск особей ценных пород рыб	7 млн особей
Социальная ответственность	Озеленение городских пространств	Жизненный цикл зеленых насаждений
Социальная ответственность	Развитие волонтерства	Устойчивость 40% проектов
Социальная ответственность	Поддержка инклюзивных проектов	Не менее 2 фестивалей ежегодно
Социальная ответственность	Развитие территорий	Не менее 3 крупных событий в регионе
6. Корпоративное управление		
Развитие комплаенс-культуры	Комплаенс	Развитие этичного бизнеса в цепочках поставок
Обеспечение прозрачности бизнеса	Корпоративное управление	Создание экспертной площадки обмена ESG-опытом
Соблюдение этических норм	Права человека	Минимизация нарушений прав человека

Выводы. Развитие и обучение сотрудников свидетельствует о стремлении компании к созданию высококвалифицированной команды, что является ключевым фактором успеха. Увеличение инвестиций и охвата программами обучения положительно сказывается на общем уровне производительности и внутренних коммуникациях.

Оптимизация бизнес-процессов свидетельствует о фокусе компании на повышении эффективности и снижении затрат. Улучшения в этой области позволяют укрепить конкурентные позиции компании на рынке и повысить ее устойчивость к внешним воздействиям.

Положительная динамика в области клиентской удовлетворенности и привлечение новых клиентов говорят о том, что ПАО «СИБУР ХОЛДИНГ» правильно находит баланс между качеством продукции и уровнем обслуживания. Это также подтверждает успешность запусков новых продуктов и инициатив, направленных на удовлетворение потребностей клиентов.

Рост финансовых показателей свидетельствует о здоровой экономической ситуации в компании. Устойчивый рост выручки и прибыли подчеркивает эффективность реализуемых бизнес-стратегий и успешную адаптацию к изменениям на рынке.

Исходя из данных предоставленных в работе можно сделать вывод о том, что система сбалансированных показателей управления ПАО «СИБУР ХОЛДИНГ» показывает положительные тенденции по всем направлениям. Ориентируясь на обучение, оптимизацию бизнес-процессов, удовлетворенность клиентов и финансовые результаты, компания успешно формирует прочную основу для своего будущего роста и конкурентоспособности на рынке. Применение ССП не только помогает в достижении стратегических целей, но и способствует повышению устойчивости компании в условиях изменений внешней среды.

В заключение, анализ нефтегазовой сферы на примере ПАО "СИБУР ХОЛДИНГ" демонстрирует эффективность использования системы сбалансированных показателей для достижения стратегических целей. Использование данной системы позволяет существенно улучшить управление, сделать его более комплексным и адаптивным к изменениям в рыночной среде.

***Благодарности.** Статья подготовлена при поддержке научного руководителя и доцента Гуманитарного факультета Петровой Веры Станиславовны.*

Список использованных источников:

1. Kaplan R. S., Norton D. P. The Balanced Scorecard: Translating Strategy into Action. – Harvard Business School Press, 1996.
2. BPMN СВОК 4.0 / А. А. Belaychuk (ред.). – М.: Альпина Паблишер, 2023.
3. Стрельникова В. В., Бачурина М. С. Системы ключевых показателей эффективности. // Материалы конференции «Наука XXI века», 2021.
4. Сычёва С. М., Шрамченко Т. Б. Роль системы сбалансированных показателей в проектно-ориентированных организациях // Вестник ГУУ. 2020. №2.
5. Публичные отчёты ПАО «СИБУР Холдинг», 2019-2023 гг. (годовые отчёты, отчёты по устойчивому развитию).

УДК 339.5

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ТАМОЖЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Кузьмина Екатерина Юрьевна,
Научный руководитель: Гупанова Юлия Евгеньевна,
Российская таможенная академия, г. Люберцы

E-mail: katerinaerofeeva77@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется механизм таможенного регулирования инновационной деятельности в сфере внешнеэкономической деятельности России. Актуальность темы обусловлена необходимостью стимулирования инновационного развития национальной экономики в условиях глобальных вызовов и санкционного давления. Цель исследования – анализ существующего механизма и разработка концептуальной модели его совершенствования. В работе применяются методы системного анализа, синтеза, сравнительного и структурно-функционального анализа. Проведен анализ нормативно-правовой базы и инструментов тарифного и нетарифного регулирования. Выявлены системные проблемы действующего механизма: недостаточная адресность льгот, риски нецелевого использования, административные барьеры для малых инновационных предприятий, фрагментарность мер поддержки. На основе критического анализа научных подходов предложена авторская концептуальная модель механизма таможенного регулирования. Особое внимание уделено предлагаемым изменениям, таким как дифференцированное предоставление льгот на основе четких критериев, интеграция таможенных органов в инновационную экосистему, специальные таможенные процедуры для инновационных предприятий и усиление защиты прав интеллектуальной собственности. Научная новизна заключается в разработке проактивной, стимулирующей модели, трансформирующей роль таможенных органов из контролирующего органа в активного участника национальной инновационной системы.

Abstract. The article investigates the mechanism of customs regulation of innovative activity in the sphere of foreign economic activity of the Russian Federation. The relevance of the topic is due to the need to stimulate the innovative development of the national economy in the context of global challenges and sanctions pressure. The purpose of the study is to analyze the existing mechanism and develop a conceptual model for its improvement. The work uses methods of system analysis, synthesis, comparative and structural-functional analysis. The analysis of the regulatory framework, instruments of tariff and non-tariff regulation, as well as statistical data on the provision of customs benefits, is carried out. Systemic problems of the current mechanism are identified: insufficient targeting of benefits, risks of misuse, administrative barriers for small innovative enterprises,

fragmentation of support measures. Based on a critical analysis of scientific approaches and foreign experience, an author's conceptual model of the customs regulation mechanism is proposed. Special attention is paid to the proposed changes, such as the differentiated provision of benefits based on clear criteria, the integration of customs authorities into the innovation ecosystem, special customs procedures for innovative enterprises and enhanced protection of intellectual property rights. The scientific novelty lies in the development of a proactive, stimulating model that transforms the role of customs authorities from a controller to an active participant in the national innovation system.

Ключевые слова: таможенное регулирование, инновационная деятельность, внешнеэкономическая деятельность, таможенные льготы, механизм, концептуальная модель, государственная поддержка, высокотехнологичная продукция.

Key words: customs regulation, innovative activity, foreign economic activity, customs benefits, mechanism, conceptual model, state support, high-tech products.

Выводы. В современных условиях глобальной экономической трансформации и обострения технологической конкуренции инновационная деятельность становится ключевым фактором обеспечения конкурентоспособности и устойчивого развития национальной экономики. Особое значение приобретает стимулирование инноваций в сфере внешнеэкономической деятельности (ВЭД), поскольку именно через каналы международной торговли происходит трансфер передовых технологий, обеспечивается доступ к критическим компонентам и открываются возможности для выхода отечественных разработок на мировые рынки. В этом контексте таможенное регулирование, традиционно выполняющее фискальные и контрольные функции, потенциально обладает значительным инструментарием для активного стимулирования инновационных процессов. Однако действующий механизм зачастую не в полной мере отвечает вызовам времени, что актуализирует необходимость его глубокого анализа и разработки направлений совершенствования.

Цель исследования заключается в анализе существующего механизма таможенного регулирования инновационной деятельности в сфере ВЭД, выявлении его системных проблем и разработке на этой основе концептуальной модели, ориентированной на проактивное стимулирование инновационного развития.

Методологическую основу исследования составили методы системного и структурно-функционального анализа, позволившие рассмотреть механизм таможенного регулирования как целостную систему. Использовались сравнительно-правовой метод при анализе нормативной базы, а также метод моделирования при разработке концептуальной схемы. Информационную базу исследования составили нормативные правовые акты Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Российской Федерации, данные Федеральной таможенной службы и инновационного центра «Сколково», научные публикации ведущих российских авторов по проблемам таможенного регулирования и инновационной экономики, а также зарубежный опыт.

Основная часть. Механизм таможенного регулирования инновационной деятельности в сфере ВЭД представляет собой совокупность правовых, экономических и организационных инструментов, направленных на стимулирование импорта и экспорта высокотехнологичной продукции, оборудования и материалов, необходимых для научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), а также для модернизации производственного потенциала страны.

Нормативно-правовая база формируется на двух уровнях: наднациональном (в рамках ЕАЭС) и национальном. Ключевыми документами в этой области являются Таможенный кодекс ЕАЭС, Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации», а также Федеральный закон от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации», закладывающий основы для предоставления таможенных льгот производителям высокотехнологичной продукции.

Ключевым инструментом стимулирования являются тарифные льготы. Наиболее значимой мерой является освобождение от уплаты НДС и ввозных таможенных пошлин в отношении технологического оборудования, аналоги которого не производятся в России (Постановление Правительства РФ от 30.04.2009 № 372). Данная мера была расширена для реализации инвестиционных проектов (Постановление Правительства РФ от 09.05.2022 № 839). Льготный режим также действует в особых экономических зонах (ОЭЗ) и для резидентов инновационного центра «Сколково», где затраты на уплату таможенных платежей возмещаются в виде субсидий.

Параллельно с мерами стимулирования применяется комплекс нетарифных мер, направленных на защиту технологического суверенитета. К ним относятся запреты на вывоз отдельных видов товаров (Постановление Правительства РФ от 09.03.2022 № 311), разрешительный порядок вывоза товаров двойного назначения (Постановление Правительства РФ от 09.03.2022 № 312), а также механизм параллельного импорта (Постановление Правительства РФ от 29.03.2022 № 506).

Проведённый анализ нормативной базы таможенного регулирования инновационной деятельности в сфере внешнеэкономической деятельности показывает, что в Российской Федерации действительно функционирует комплексный механизм таможенного регулирования, направленный на стимулирование инновационной деятельности, модернизацию производства и развитие научно-технического потенциала страны. Однако эффективность его реализации ограничивается рядом следующих системных проблем, снижающих результативность государственной поддержки:

- недостаточная адресность льгот: преференции часто привязаны только к коду ТН ВЭД без учета целей использования и инновационного статуса предприятия;

- административные барьеры для малых предприятий: сложные процедуры подтверждения статуса и получения льгот недоступны для малого бизнеса;

- риски нецелевого использования: отсутствие эффективной системы постконтроля за конечным использованием ввезенного на льготных условиях оборудования;
- фрагментарность и негибкость мер: отсутствие дифференцированного подхода, учитывающего стадию жизненного цикла инновационного продукта и специфику отрасли;
- недостаточный уровень цифровизации: отсутствие единой цифровой платформы для мониторинга и контроля эффективности предоставляемых преференций.

На основе выявленных проблем и с учетом научных подходов, предложенных Ю.Е. Гупановой, Л.И. Гончаренко, Е.О. Савиной и другими исследователями, разработана концептуальная модель механизма таможенного регулирования инновационной деятельности в сфере ВЭД.

Механизм таможенного регулирования инновационной деятельности в сфере ВЭД определяется как целостная, динамичная система управления, включающая субъекты, объекты и инструменты таможенного регулирования, направленная на создание стимулирующей среды для ускоренного инновационного развития национальной экономики путем целенаправленного воздействия на экономические отношения, возникающие при перемещении через таможенную границу ЕАЭС инновационных товаров, технологий, объектов интеллектуальной собственности и компонентов для их создания.

Концептуальная модель механизма таможенного регулирования инновационной деятельности в сфере внешнеэкономической деятельности представлена на рисунке 1.

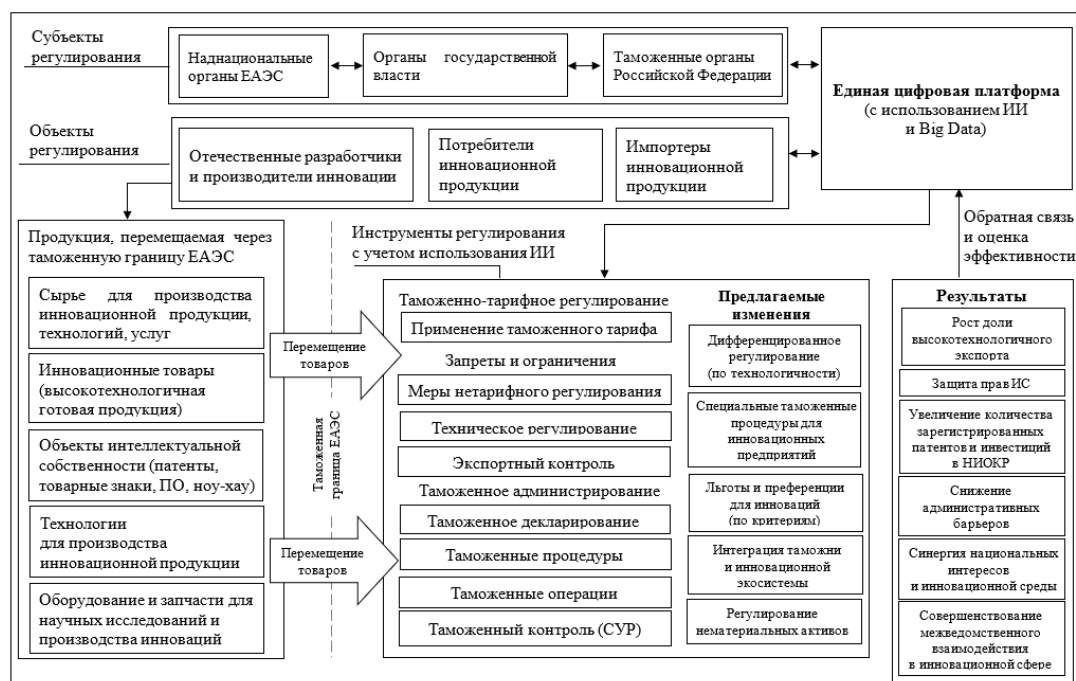

Рис. 1 Концептуальная модель механизма таможенного регулирования инновационной деятельности в сфере внешнеэкономической деятельности

Источник: анализ автора

Согласно представленной концептуальной модели субъектами таможенного регулирования инновационной деятельности в сфере ВЭД являются: наднациональные регулирующие органы ЕАЭС, органы государственной власти (Минэкономразвития России, ФНС России, Минпромторг России, Минфин России и др.), а также таможенные органы Российской Федерации.

Новизна предлагаемого подхода к субъектам заключается в том, что их взаимодействие не является линейным, а строится по сетевому принципу, координируется через единую цифровую платформу, что повышает скорость принятия решений и согласованность действий.

Объектами таможенного регулирования выступают экономические отношения, возникающие между отечественными производителями инновационных товаров и технологий, их потребителями и импортерами в процессе перемещения такой продукции через таможенную границу ЕАЭС.

Логика функционирования механизма основана на целенаправленном воздействии субъектов на объекты через установление четких правил и процедур, осуществляемое с помощью инструментов таможенного регулирования, которые включают: меры таможенно-тарифного регулирования, нетарифного регулирования, запреты и ограничения, инструменты таможенного администрирования.

В целях совершенствования существующего механизма и перехода к стимулирующей модели, предлагаются следующие принципиальные изменения, каждое из которых напрямую следует из проведенного анализа проблем и опирается на указанный теоретический базис.

1. Предоставление льгот и преференций на основе четких, объективных и прозрачных критериев. В отличие от текущей практики, где льготы часто привязаны только к коду ТН ВЭД, предлагается привязать их к экономическим показателям деятельности предприятия, таким как объем инвестиций в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, количество зарегистрированных патентов, уровень технологической новизны продукции. Это позволит решить проблему недостаточной адресности льгот и стимулировать реальную инновационную активность.

2. Дифференцированное применение мер таможенного регулирования. Этот подход, предложенный Ю.Е. Гупановой [5], развивается в данной модели путем его детализации: регулирование должно дифференцироваться в зависимости не только от уровня технологической сложности, но и от стадии жизненного цикла инновационного продукта (фундаментальные исследования, прикладные разработки, серийное производство). Например, на стадии НИОКР необходим беспошлинный ввоз образцов и исследовательского оборудования, а на стадии серийного производства – ускоренный экспортный контроль. Это позволит преодолеть фрагментарность поддержки.

3. Активная интеграция таможенных органов с инновационной экосистемой. Интеграция должна осуществляться через:

– создание совместных рабочих групп с представителями научных организаций, университетов и технопарков для оперативного решения классификационных споров и консультирования по новым технологиям;

- развитие системы предварительных решений по таможенным процедурам для инновационных компаний;
- организацию регулярного информационного обмена между таможенными органами и институтами развития о приоритетных направлениях технологического развития.

4. Усиление контроля за соблюдением прав интеллектуальной собственности. Предлагается смещение акцента на превентивный контроль с использованием технологий искусственного интеллекта для анализа больших данных и выявления рисков ввоза контрафактной продукции на ранних стадиях.

5. Регулярная оценка эффективности механизма. Предлагается система ключевых показателей эффективности, непосредственно связанных с действиями таможенных органов:

- доля участников ВЭД, получивших «инновационный» статус и пользующихся специальными процедурами;
- среднее время таможенного оформления для инновационных товаров;
- доля предоставленных льгот по уплате таможенных платежей для инновационных товаров в общем объеме предоставленных льгот;
- количество выявленных случаев нецелевого использования высокотехнологичного оборудования, ввезенного на льготных условиях.

Это позволяет уйти от абстрактных показателей и напрямую оценивать вклад таможенного регулирования в инновационное развитие.

Эффективность применения инструментов таможенного регулирования и предлагаемых дополнений оценивается соотношением поставленных целей и достигнутых результатов:

- увеличение доли высокотехнологичного экспорта, которое достигается за счет ускоренного таможенного оформления, экспортных субсидий и снижения вывозных пошлин для высокотехнологичных товаров;
- увеличение количества патентов и инвестиций в НИОКР – стимулируется через создание благоприятных условий для ввоза оборудования и компонентов для НИОКР (адресные льготы по уплате таможенных платежей, специальные процедуры), что снижает затраты на исследования и повышает привлекательность инвестиций в эту сферу;
- синергия национальных интересов и инновационной среды, которая измеряется через рост доли отечественных компонентов в инновационной продукции и увеличение числа совместных проектов;
- эффективная защита прав интеллектуальной собственности – проявляется в снижении количества ввезенных контрафактных товаров и увеличении успешно разрешенных дел о нарушении прав интеллектуальной собственности;
- сокращение административных барьеров, препятствующих развитию инновационной деятельности;
- совершенствование межведомственного взаимодействия в инновационной сфере.

Таким образом, разработанная концептуальная модель механизма таможенного регулирования инновационной деятельности представляет собой

целостную теоретическую конструкцию, основанную на синтезе современных научных подходов и критическом анализе недостатков действующей системы. Ее принципиальное отличие – ориентация на создание стимулирующей среды и достижение конкретных результатов инновационного развития. Модель трансформирует роль таможенных органов из пассивного контролера в активного участника национальной инновационной системы. Предложенные в модели структурные изменения и новые элементы формируют прочный теоретический фундамент для разработки конкретных мер совершенствования таможенного регулирования инновационной деятельности в сфере ВЭД.

Список использованных источников:

1. Алексеева Е.В., Ахмедзянов Р.Р., Петухова В.В. Регулирование инноваций во внешнеэкономической деятельности в рамках ЕАЭС: таможенный аспект // Российский экономический вестник. – 2020. – Т. № 3. – С. 94-99.
2. Белая Е.А., Варламова Е.Е. Таможенное регулирование инноваций во внешнеэкономической деятельности Российской Федерации на современном этапе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 6-1. – С. 154-158.
3. Войтенко Ю.И., Павловская И.Г. Развитие таможенного регулирования экспортно-импортной деятельности в условиях использования инновационной емкости предприятий // Современные тенденции развития торговли и таможенного дела. Донецк: Донецкий национальный университет. – 2021. – С. 168-172.
4. Гончаренко Л.И., Савинва Е.О. Налоговые и таможенные инструменты регулирования инновационной деятельности: монография. М.: Дашков и К. – 2014. – 224 с.
5. Гупанова Ю.Е. Поддержка развития отраслей национальной экономики мерами таможенного регулирования // Вестник Российской таможенной академии. – 2022. – № 3(60). – С. 65-77.
6. Поляков А.Е., Зеркин Д.Г., Морковкин Д.Е. Анализ особенностей таможенного регулирования ввоза технологического оборудования на территорию Российской Федерации // Colloquium-journal. – 2019. – № 6 (30). – С. 161-166.
7. ФТС России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://customs.gov.ru>.

УДК 369

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В ЯПОНИИ, ЮЖНОЙ КОРЕЕ И КИТАЕ В СОЦИАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ

Черкизов Артём Альбертович,
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, Санкт-Петербург

Научный руководитель:
Шаныгин Сергей Иванович
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург

E-mail: st118473@student.spbu.ru

Аннотация. В рамках исследования, проводится сравнение социальных детерминант уровня жизни в Японии, Республике Корея и Китае: демография, здоровье, образование, качество занятости, баланс «работа–жизнь», социальная защита, жильё и цифровая включённость. Япония сильна по здоровью и безопасности, но уязвима из-за старения и бедности пожилых; Корея лидирует по образованию и цифровой зрелости при высоком стрессе и рекордно низкой рождаемости; Китай быстро расширяет доступ к образованию и медицине, однако сохраняются разрывы город–село и уязвимость мигрантов. Сформулированы адресные рекомендации социальной политики для каждой страны.

Abstract. This study compares the social determinants of living standards in Japan, the Republic of Korea, and China: demographics, health, education, employment quality, work-life balance, social protection, housing, and digital inclusion. Japan is strong in health and safety but vulnerable due to aging and elderly poverty; Korea leads in education and digital maturity, yet faces high stress and a record-low birth rate; China is rapidly expanding access to education and healthcare, yet urban-rural divides and migrant vulnerability persist. Targeted social policy recommendations are formulated for each country.

Ключевые слова: уровень жизни, социальные аспекты, демография, Япония, Республика Корея, Китай.

Key words: standard of living, social aspects, demography, Japan, Republic of Korea, China.

Введение. Актуальность. Социальные факторы сегодня определяют качество жизни не меньше доходов. Высокая зарплата мало что меняет, если человек живёт в загрязнённой среде и не может полагаться на нормальные коммунальные и медицинские услуги. Восточная Азия часто кажется однородной, но различия между её странами ощутимы и напрямую влияют на

повседневный комфорт, здоровье и жизненные шансы. Отсюда первый вывод: сравнивать уровень жизни только по экономике недостаточно, социальный профиль страны так же важен.

Проблема исследования. Проблема исследования в том, что сравнение стран Восточной Азии обычно опирается на экономические метрики и теряет социальные различия. Разрозненные показатели здоровья, образования, занятости и социальной защиты дают разнонаправленные сигналы, из-за чего общая картина уровня жизни получается фрагментарной и плохо пригодной для практических выводов.

Основная часть. В этой статье мы смотрим на Китай, Японию и Республику Корея именно через социальные детерминанты. Отправной пункт – здоровье и продолжительность жизни как базовая детерминанта. По данным World Bank за 2022 г. значения сведены на рисунке, что позволяет сразу увидеть расстановку сил. Далее сопоставим эти результаты с другими метриками здоровья и доступности услуг.

Сравнения между странами чувствительны к методике. Это происходит по причине того, что различаются статистические базы, охват домохозяйств и подходы к расчёту ППС и социальных индикаторов, поэтому прямые сопоставления могут искажаться [8].

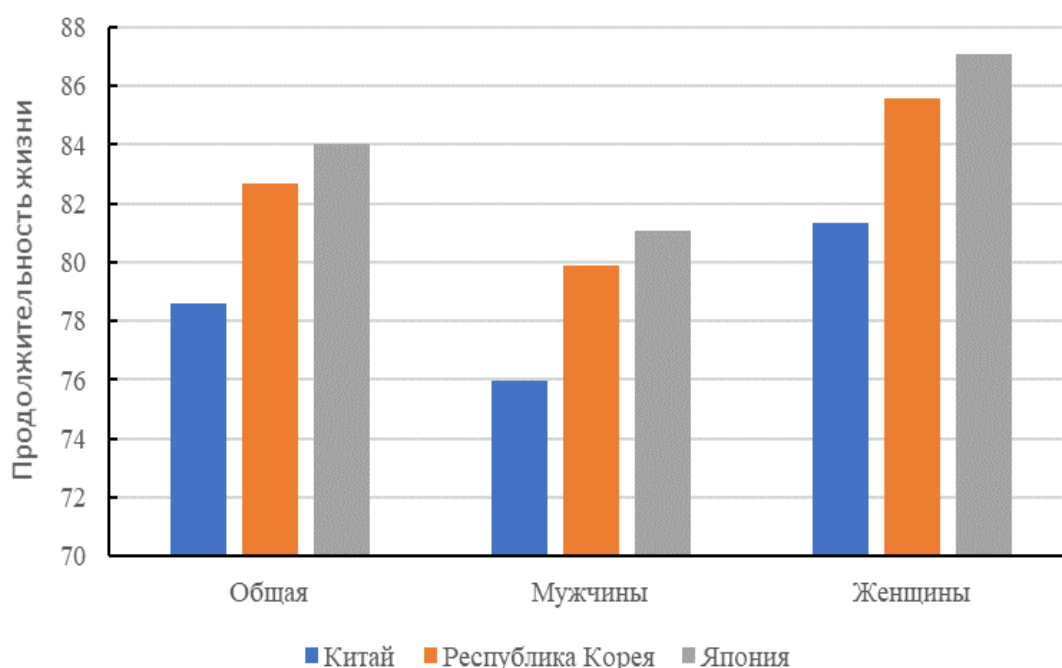

Рис. 1 Средняя продолжительность жизни населения в 2022 г., годы (на основе [3])

Безоговорочным лидером является Япония с общим показателем 84 года, второе место занимает Корея со значением 82,68 года, а замыкает тройку Китай, имея ожидаемую среднюю продолжительность жизни 78,59.

По более свежим данным Worldometer на 2025 год можно наблюдать следующие результаты.

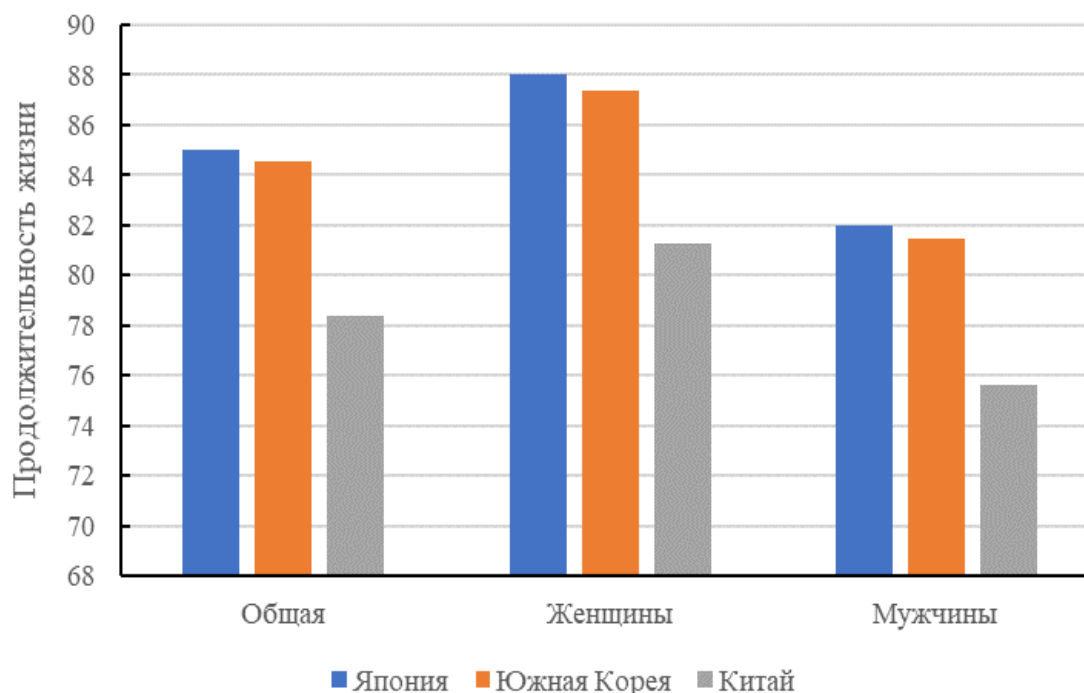

Рис. 2 Средняя продолжительность жизни населения в 2025 г., годы (на основе [2])

В целом картина почти не изменилась. Япония поднялась до 85 лет жизни и занимает 2 место в мире, Республика Корея – до 84,53 и находится на 3 месте. Они уступают только Гонконгу. Ожидаемая продолжительность жизни в Китае слегка снизилась до 78,37 года, это 57 место. Если судить по долголетию как дополнительному качеству жизни, порядок остаётся тем же: Япония, затем Корея, затем Китай.

Необходимо рассмотреть ещё один важный показатель, влияющий на уровень жизни – уровень самоубийств. Наблюдая последние данные Всемирной Организации Здравоохранения за 2021 год, можно заметить абсолютно противоположную предыдущим показателям картину. [7] На 100 тысяч человек населения количество самоубийств в Корее составило 27,5 (2 место в мире), в Японии - 17,4 (17 место в мире), а в КНР - 8,9 (66 место в мире). Причины столь ужасных значений у трёх стран немного отличаются. В Китае больше всего самоубийств совершается в сельской местности. Основными мотивами выступают семейные конфликты, тяжёлый труд, психологическое напряжение на работе, нищета. Среди подростков главными причинами являются давление в школе и семье, страх не оправдать ожидания родителей и общества. Так же есть высокая корреляция между загрязнением воздуха и роста числа суицидов среди пожилых женщин, которые в Китае занимают намного больший процент, нежели чем у двух других стран. Основные причины самоубийств в Японии являются глубокая депрессия, серьёзные заболевания или крупные долги. Основные

группы риска – мужчины (около 71%) и безработные (57,4%), а также люди старше 40 лет.

Дальше переходим к связанному индикатору – младенческой смертности. Самый уязвимый возраст – первый год жизни, поэтому этот показатель чувствительно отражает качество перинатальной помощи и доступ к медуслугам. Он измеряется как число смертей детей до 1 года на 1000 живорождений. Данные за 2024 год такие:

- Япония – 1,7;
- Республика Корея – 2,0;
- КНР – 6,4.

Во всех трёх странах – низкая младенческая смертность. При этом Китай заметно уступает соседям – в 2024 г. 81-е место из 237, тогда как Корея – 14-е, Япония – 7-е. Это подтверждает высокое качество медицины в регионе и сохраняет прежний порядок по уровню жизни. Доступность сопоставима: много больниц и персонала, базовые услуги покрываются страховкой с небольшой доплатой; без страховки лечение крайне дорогое. Для оценки качества, помимо младенческой смертности и ожидаемой продолжительности жизни, используем интегральный индекс здравоохранения.

Таблица 1

Индекс здравоохранения в 2025 г. [1]

Ранг	Страна	Индекс	Место в мире
1	Республика Корея	82,8	2
2	Япония	80,0	3
3	КНР	68,7	32

Медицинские системы региона в целом сильные. На вершине – Япония и Республика Корея: высокие технологии, плотная сеть учреждений, квалифицированные кадры. Китай заметно подтянулся и выглядит достойно в мировом сравнении, но соседям уступает. По интегральному качеству услуг Корея слегка обходит Японию, однако по конечным здоровьесберегающим исходам разрыв минимален; Китай остаётся позади, хотя динамика положительная.

По данным ВОЗ за 2021 г. картина по самоубийствам обратная [6]. В Корею – 27,5 на 100 тыс. (2-е место в мире), в Японии – 17,4 (17-е), в Китае – 8,9 (66-е). Причины различаются. В Китае чаще сельские случаи: семейные конфликты, тяжёлый труд, школьное давление. В Японии – депрессии, хронические болезни, долговая нагрузка, уязвима группа мужчин 40+. В Корею – сильное академическое и конкурентное давление на молодёжь, семейные конфликты; потребление алкоголя усиливает риск. Если судить именно по этому индикатору, картина ранжирования иная: относительно лучше выглядит Китай, затем Япония, слабее – Республика Корея.

Чтобы сравнить уровень образования, опираемся на свежие оценки ПРООН и Института статистики ЮНЕСКО за 2024 г. Мы используем Индекс уровня образования, который объединяет среднюю и ожидаемую продолжительность обучения. Это позволяет увидеть не только текущие результаты школьного и университетского пути, но и потенциал набора человеческого капитала у молодого поколения; конкретные значения и позиции стран приводим ниже по данным рейтинга.

Таблица 2

Индекс уровня образования в 2024 г. [4]

Ранг	Страна	Средняя продолжительность обучения (лет)	Ожидаемая продолжительность обучения (лет)
27	Япония	12,7	15,5
29	Южная Корея	12,6	16,5
124	Китай	8,1	15,2

По средней, фактически достигнутой продолжительности обучения лидирует Япония, далее идут Республика Корея и Китай. По ожидаемой продолжительности картина иная: вперед выходит Корея благодаря высокой учебной нагрузке, развитому рынку дополнительных занятий и устойчивой установке «образование = социальный лифт». Побочным эффектом выступают более высокий стресс и конкуренция, но в терминах накопления навыков это означает рост будущего человеческого капитала.

По доле населения с высшим образованием Корея также впереди – около 69,29 %, затем Япония – 64,81 %, а Китай – 35,8 %. Это подтверждает, что Корея и Япония формируют широкие пулы специалистов для высокотехнологичных отраслей, тогда как Китай ускоренно наращивает массовость высшего образования, постепенно выравнивая региональные различия и доступ.

Более длинная ожидаемая траектория обучения и высокий охват вузами обычно идут в паре с занятостью в секторах высокой добавленной стоимости и более высокими доходами. Корея удерживает лидерство по будущему человеческому капиталу, Япония опирается на уже накопленную образовательную базу, Китай быстро расширяет доступ и формирует задел для роста качества жизни.

Выводы. Таким образом, Япония и Корея сильны в здравоохранении и образовании, обеспечивают длительное обучение и хороший доступ к медпомощи. У каждой страны есть свои проблемы – у Японии быстрое старение и относительная бедность пожилых, у Кореи перегретая учебно-трудова конкуренция, высокий стресс и суициды при рекордно низкой рождаемости. Китай заметно продвинулся в доступе к образованию и медицине и выглядит лучше по уровню суицидов, но отстаёт по качеству услуг и охвату высшим образованием, сохраняются разрывы город–село. Отсюда и приоритеты

политики. Япония – активное долголетие и адресная поддержка пенсионеров. Корея – профилактика психических расстройств и политика баланса «работа–жизнь». Китай – выравнивание региональных стандартов и повышение качества социальных услуг.

Список использованной литературы:

1. База данных Numbeo: официальный сайт. – Белград. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.numbeo.com/> (Дата обращения 29.09.2025).
2. База данных Worldometer: официальный сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.worldometers.info/> (Дата обращения 29.09.2025).
3. Группа Всемирного Банка: официальный сайт. – Вашингтон. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/> (Дата обращения 29.09.2025).
4. Институт статистики Юнеско: официальный сайт. – Монреаль. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uis.unesco.org/> (Дата обращения 29.09.2025).
5. Исследовательский центр Human Development Reports: официальный сайт. – Нью-Йорк. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hdr.undp.org/> (Дата обращения 29.09.2025).
6. Всемирная организация здравоохранения: официальный сайт. – Женева. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/> (Дата обращения 29.09.2025).
7. Гирфанова А.А. Причины самоубийств в Южной Корее // Корееведение в России: направление и развитие. – 2023. – Т. 4, № 1. – С. 57–61.
8. Тинькова Е.В., Акжигитова Л.Р., Тиньков С.А. Сравнение показателей оценки уровня жизни населения в России и Китае // Вестник академии права и управления. – 2024. – № 2. – С. 175–178.
9. Шаныгин С.И., Ризванова Э.Р. Нормирование показателей в многофакторных исследованиях экономических процессов // Экономика. Право. Инновации. – 2020. – № 3. – С. 4–13.

УДК 339.9

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В ЯПОНИИ, ЮЖНОЙ КОРЕЕ И КИТАЕ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ

Черкизов Артём Альбертович,
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург

Научный руководитель: Шаныгин Сергей Иванович
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург

E-mail: st118473@student.spbu.ru

Аннотация. Статья сопоставляет экономические детерминанты уровня жизни в Японии, Республике Корея и Китае за период 2010–2025 гг. На основе показателей ВВП на душу населения по ППС (в постоянных ценах 2021 г.), коэффициента Джини, индекса БигМака, безработицы и относительной бедности оценивается вклад роста, распределения доходов, ценовой среды и занятости в реальные жизненные стандарты. Показано, что Республика Корея вышла на первое место по душевому ВВП (ППС) и поддерживает низкую безработицу при умеренном неравенстве; Япония сочетает крайне низкую безработицу со стагнацией и демографическим давлением; Китай демонстрирует ускоренное улучшение подушевых показателей и снижение инфляции в 2023–2024 гг., оставаясь позади по ряду качественных метрик распределения доходов. Обсуждаются структурные драйверы и ограничения каждой модели, формулируются практические импликации для экономической политики.

Abstract. This article compares the economic determinants of living standards in Japan, the Republic of Korea, and China for the period 2010–2025. Using GDP per capita at PPP (in constant 2021 prices), the Gini coefficient, the Big Mac index, unemployment, and relative poverty, the contribution of growth, income distribution, price environment, and employment to real living standards is assessed. It is shown that the Republic of Korea has taken first place in per capita GDP (PPP) and maintains low unemployment with moderate inequality; Japan combines extremely low unemployment with stagnation and demographic pressure; China demonstrates accelerated improvement in per capita indicators and declining inflation in 2023–2024, while lagging behind on a number of qualitative metrics of income distribution. The structural drivers and limitations of each model are discussed, and practical implications for economic policy are formulated.

Ключевые слова: уровень жизни, ВВП на душу населения, коэффициент Джини, Япония, Республика Корея, Китай.

Key words: standard of living, GDP per capita, Gini coefficient, Japan, Republic of Korea, China.

Введение. Актуальность. Япония, Южная Корея и Китай – три ведущие экономики Восточной Азии с уникальными моделями развития. Несмотря на общие черты смешанных экономических систем, каждая из этих стран демонстрирует свои особенности в динамике ВВП, уровне доходов, структуре экспорта, инновационном потенциале и государственной политике, что формирует различия в уровне жизни населения. Япония, обладая развитой и стабильной экономикой с высоким уровнем доходов и социальной защищённости, сталкивается с проблемами старения населения и замедления роста. Южная Корея, с похожей на первый взгляд на Японию экономикой, напротив, показывает устойчивый экономический рост, успешную индустриализацию и инновационное развитие, что делает её примером для подражания в регионе. Однако там тоже остаются такие проблемы, как старение населения, огромный уровень стресса, суицида и как следствие вымирание нации. Китай, с другой стороны, остаётся крупнейшей развивающейся экономикой с быстрыми темпами роста и значительными региональными диспропорциями, активно реформируя экономику и расширяя средний класс. В этом разделе будет проведён сравнительный анализ основных экономических показателей этих стран, позволяющий выявить их сильные и слабые стороны, а также определить влияние экономической политики и структурных факторов на уровень жизни населения.

Основная часть. Старт 2010 г. показывает разный масштаб благосостояния. Китай 10,4 тыс. долл. по ППС в ценах 2021 г., Япония 41,3 тыс., Республика Корея 39,7 тыс. [1]. Япония впереди, Корея рядом, Китай заметно позади из-за большого делителя населения, хотя валовой выпуск высок. Это укладывается в картину зрелой и капиталоемкой японской экономики, ускоренной модернизации Кореи и ранней фазы конвергенции Китая.

К 2013 году лидер меняется. Республика Корея поднимается до 42,8 тыс. долл. плюс 7,9 % к 2010. Япония фиксирует те же 42,8 тыс. плюс 3,6 % [2]. Китай растёт до 13,0 тыс. плюс 24,8 %. Корея выигрывает за счёт быстрого прироста производительности и экспорта сложной продукции. Япония прибавляет умеренно, на динамику давят слабые инвестиции и старение. Китай догоняет быстрее всех в относительных величинах, но по уровню остаётся ниже. Практический вывод – уже в начале 2010-х гг. Корея перехватывает лидерство по душевому выпуску, а Китай уверенно сокращает разрыв, хотя до полного сближения ещё далеко.

К 2024 году разрыв закрепляется. У Республики Корея 55,2 тыс. долл. на душу населения по ППС, это +28,7 % к 2013 г. и около +12,3 тыс. в абсолютных значениях. У Японии 46,9 тыс., прирост +9,6 % и +4,1 тыс. У Китая 23,8 тыс., рост самый быстрый +82,9 % и +10,8 тыс. [1]. В относительных темпах Китай сокращает дистанцию, но по уровню всё ещё заметно уступает. Корея уверенно лидирует по душевому ВВП, что согласуется с её инновационно-экспортной моделью и высокой вовлечённостью рабочей силы. Япония стабильно вторая, прибавка ограничена демографией и структурно слабым ростом. В сумме период 2010–2024 годов выглядит как смена регионального лидера по выпуску на душу при ускоренном, но пока неполном сближении Китая с развитыми экономиками Восточной Азии.

Далее – распределение доходов, коэффициент Джини. Стартовые уровни различаются: Китай 0,437, Республика Корея 0,320, Япония 0,321 [1]. Это означает существенно более высокое неравенство в КНР на фоне умеренных значений у соседей. В сочетании с более низким тогда душевым ВВП это снижало «социальную пропускную способность» роста в Китае – прибавка выпуска слабее доходила до медианных доходов и массового потребления, повышая риск социальной напряжённости.

Китай в следующем десятилетии последовательно снижает неравенство – с 0,397 в 2013 году до 0,357 в 2021 г. [1]. Республика Корея держится около 0,33 на всём отрезке. Для Японии последнее наблюдение 0,329 за 2013 год, косвенные индикаторы резких сдвигов не показывают. Разрыв между Китаем и соседями сокращается, но не исчезает – КНР остаётся более неравной, тогда как Корея и Япония сохраняют профиль умеренного неравенства.

Исследуя уровень жизни населения, рассмотрим интересный показатель – Индекс БигМака. Данные возьмём за 2025 год. Индекс бигмака считается по формуле:

$$((\text{Цена в стране} / \text{Цена в США}) - 1) \times 100 = \% \text{ отклонения от ППС}$$

Таблица 1

Индекс БигМака в 2025 г. [3]

Страна	Цена в местной валюте	Цена в долларах США	Индекс БигМака
США	5,79\$ (USD)	5,79	0
Китай	25,5¥ (CNY)	3,53	-39%
Япония	480¥ (JPY)	3,30	-43%
Южная Корея	5500₩ (KRW)	3,92	-32%

Из полученных результатов можно сделать вывод, что все 3 валюты недооценены относительно доллара. Если предположить, что цены на другие продукты в среднем примерно так же недооценены, как и у БигМака, то это очень сильно влияет на покупательную способность населения. Исходя из того, что мы знаем ВВП на душу населения по ППС, и то, как примерно распределяются доходы людей, можно проанализировать в какой стране обычный житель может купить больше одинаковых по качеству товаров. Самой недооцененной валютой из трёх стран является йена. Если взять её ВВП на душу населения за 2024 г. и умножить на 1+отклонение от ППС, то получится около 67 тыс. дол. Это условное значение, которое показывает, сколько бы стоили товары и услуги, которые мог купить себе среднестатистический гражданин Японии в Америке [3]. Если посчитаем то же самое для Кореи, то получим значение около 73 тыс. долл. В Китае оно составляет 33 тыс. долларов.

Индекс БигМака далеко не идеальный, но он показывает недооценённость одного из самых часто покупаемых товаров. В целом можно предполагать, что

другие товары первого пользования, скорее всего тоже примерно так же недооценены, как и БигМак. А это значит, что данный индекс вполне можно использовать при подсчётах, для другого взгляда со стороны на уровень жизни населения. Таким образом, можно сделать вывод, что из-за недооценки первое место по уровню жизни в этом параметре заняла Япония, второе место Китай и третье Республика Корея. Но есть один нюанс. Несмотря на недооценённость, количество товаров и услуг, которые может себе позволить среднестатистический кореец больше, чем японец или китаец. А значит, что Корея в очередной раз оказывается лучше по уровню жизни населения страны, если рассматривать предыдущие два критерия в совокупности с этим.

Проанализируем ещё один очень важный показатель – уровень безработицы. От него прямо пропорционально зависит, сколько людей не имеют работу, а значит не имеют зарплату, а значит не могут покупать себе товары и услуги, которые являются одной из главных составляющих уровня жизни. Рассмотрим значения из базы данных МВФ с 2017 г., так как до этого нет данных по безработице в Китае.

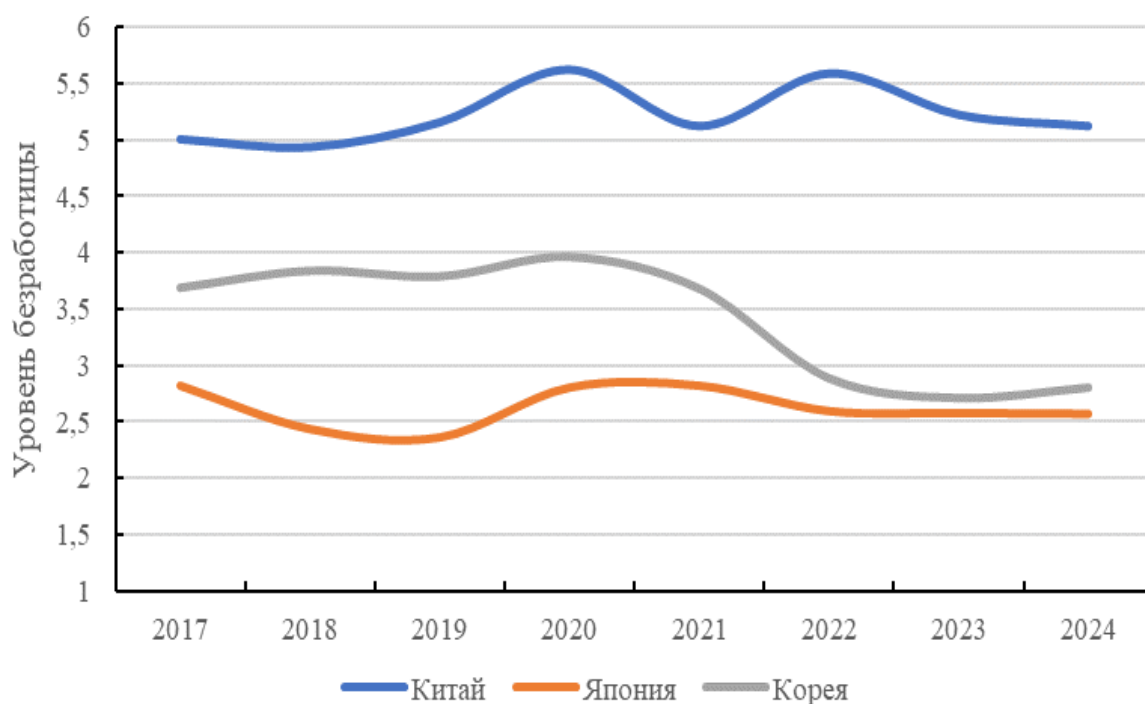

Рис. 1 Динамика уровня безработицы в странах 2017-2024 гг., % (на основе [2])

Анализируя данные, можно заметить некоторые тенденции. Уровень безработицы в Китае скачет в районе 5-5,5 % и лишь в 2018 г. опускается ниже 5 %. Такой уровень безработицы вполне нормальный, характерен для стабильно развивающейся экономики. Но по сравнению с Японией и Кореей безработица больше. Главной причиной скорее всего является невозможность найти работу из-за столь большого населения. Уровень безработицы в других двух странах же

считается низким, но не слишком низким. Это обычно говорит о стремительно развивающейся экономике с хорошей занятостью. Есть небольшие колебания, но не критичные. Во всех трёх странах можно наблюдать скачок в 2020 г. из-за эпидемии коронавируса, когда многие люди потеряли свои работы. Япония на протяжении всего рассматриваемого периода имеет уровень безработицы меньше 3 %. Скорее всего причиной этому является именно стареющее население. Пенсионеры перестают работать и выбывают из списка рабочей силы, а следовательно и не учитываются в подсчётах. А так как молодых людей довольно мало, они все могут найти себе работу в большинстве случаев. В Корее ситуация аналогичная, но так как доля пенсионеров там не такая большая, то и безработица немного выше, но к 2024 г. довольно сильно снизилась до 2,8 %. Анализ данного экономического показателя показывает, что лучшей страной по уровню жизни является Япония, на втором месте Южная Корея, а замыкает тройку Китая. Но нельзя точно утверждать, так как слишком низкая безработица может способствовать высокой инфляции. Поэтому в следующем пункте разберём этот показатель.

И наконец рассмотрим уровень бедности.

В рамках исследования мы используем относительную меру бедности – долю людей с доходом ниже 50 % медианного по стране. По последним доступным оценкам: Республика Корея – 14,9 %, Япония – 15,4 %, Китай – около 12 % (с оговоркой о методологических различиях, т.к. КНР не в ОЭСР) [4]. Формально это ставит Китай на первое место по данному индикатору, затем Корею и Японию.

Противоречие с более высоким коэффициентом Джини в Китае объяснимо: Джини чувствителен ко всему распределению (включая разрыв между средним и верхним классом), тогда как относительная бедность привязана к медиане и не фиксирует расхождения в «хвостах».

Возрастной срез принципиален здесь играет ключевое значение. Бедность сильнее затрагивает старшие группы. В Японии доля 65+ среди всех бедных – 20,2 %, в Республике Корея – 38,2 % ($\approx 5,7$ % населения) [5]. В среднем по относительной бедности лучше выглядит Китай; для Кореи и Японии приоритетным направлением должно быть усиление адресной поддержки пожилых.

Если оценивать уровень жизни через распространённость бедности, то по этому показателю лидирует Китай, затем Республика Корея и Япония. Но возрастная структура меняет акценты. На данном этапе риск бедности у пожилых особенно высок в Корее, в Японии – ниже, но заметный.

Выводы. Таким образом, за 2010–2025 гг. уровень жизни в Японии, Южной Корее и Китае сложился по разным траекториям. Корея вышла в лидеры по ВВП на душу по ППС и удерживает низкую безработицу при умеренном неравенстве, Япония сохраняет высокий уровень благосостояния и крайне низкую безработицу, но рост сдерживают демография и слабая динамика доходов, Китай быстрее всех приходит средним показателям и смягчил ценовое давление в 2023–2024 гг., хотя он и остается позади по качеству распределения доходов. Показатели покупательной способности указывают на

недооценённость всех трёх валют, что поддерживает доступность базовых товаров, однако различия в доходах и занятости сохраняются, а риски бедности сильнее сосредоточены у пожилых в Корее и в меньшей степени в Японии. Подводя итог, Корея выглядит сильнее по совокупности экономических условий, Япония остаётся богатой, но уязвимой к демографическому давлению, Китай быстро сближается, но ему ещё предстоит повысить качество занятости и снизить неравенство.

Список использованных источников:

1. Группа Всемирного Банка: официальный сайт. – Вашингтон. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/> (Дата обращения 27.09.2025).
2. Международный Валютный Фонд: официальный сайт. – Вашингтон. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Data> (Дата обращения 27.09.2025).
3. Индекс БигМака: официальный сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigmacindex.ru/> (Дата обращения 10.05.2025).
4. Организация экономического сотрудничества и развития: официальный сайт. – Париж – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oecd.org/> (Дата обращения 27.09.2025).
5. Савельева Н.К., Созинова А.А., Пашков А.М. Сравнительная характеристика уровня и качества жизни населения на примере России и Китая // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. – 2023. – № 3. – С. 241–259.

УДК 33

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СИСТЕМ

Тимошин Александр Антонович,
Уральский государственный экономический
университет, г. Екатеринбург
kafpp@mail.ru

Тулин Дмитрий Андреевич,
Уральский государственный экономический
университет, г. Екатеринбург

E-mail: kafpp@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается цифровизация как стратегический ресурс устойчивого развития производственных систем. Показано, что цифровые технологии радикально трансформируют архитектуру производственной деятельности, позволяя перейти от статичных моделей к гибким, адаптивным и интеллектуально насыщенным системам. Раскрываются теоретические подходы к понятию устойчивости, обосновывается необходимость включения цифрового измерения в устойчивое развитие, анализируются ключевые направления цифровой трансформации: киберфизические системы, цифровые двойники, IIoT, платформенные решения. В результате сформулировано понимание цифровизации как основы формирования устойчивых производственных систем в условиях неопределённости и ускоренных изменений.

Abstract. The article considers digitalization as a strategic resource for the sustainable development of production systems. It is shown that digital technologies are radically transforming the architecture of production activities, allowing the transition from static models to flexible, adaptive and intellectually saturated systems. Theoretical approaches to the concept of sustainability are revealed, the need to include the digital dimension in sustainable development is substantiated, and key areas of digital transformation are analyzed: cyberphysical systems, digital twins, IIoT, and platform solutions. As a result, an understanding of digitalization is formulated as the basis for the formation of sustainable production systems in conditions of uncertainty and accelerated changes.

Ключевые слова: цифровизация, устойчивое развитие, производственные системы, цифровая трансформация, цифровые технологии, стратегическое управление.

Key words: digitalization, sustainable development, production systems, digital transformation, digital technologies, strategic management.

Введение. Актуальность. Современный этап развития промышленности характеризуется ускоренной цифровой трансформацией, охватывающей все звенья производственно-управленческой цепочки – от проектирования и логистики до эксплуатации и утилизации продукции. На этом фоне устойчивое развитие производственных систем приобретает новый вектор, в котором цифровизация выступает не только как технологическая необходимость, но и как стратегический ресурс, способный фундаментально изменить способы достижения устойчивости. Формирование устойчивых производственных систем невозможно без цифровой архитектуры, обеспечивающей высокую степень управляемости и адаптивности.

Проблематика устойчивого развития традиционно включает три измерения: экономическое, социальное и экологическое. Однако в условиях нарастающей нестабильности внешней среды и технологических сдвигов необходимо рассматривать цифровизацию как четвёртую опору устойчивости. Цифровые инструменты позволяют не только автоматизировать рутинные процессы, но и формировать новые модели принятия решений, прогнозировать поведение систем в условиях неопределённости, минимизировать риски и вовремя реагировать на кризисные явления. Цифровая трансформация становится основой для построения гибких, самонастраивающихся производственных систем, обладающих устойчивостью к внешним шокам и внутренним дисфункциям [1].

Целью настоящей статьи является теоретическое и концептуальное обоснование цифровизации как стратегического ресурса устойчивого развития производственных систем. В рамках данной цели автором предпринята попытка проанализировать существующие подходы к понятию устойчивости, выявить взаимосвязи между цифровыми решениями и механизмами обеспечения устойчивости, а также разработать концептуальную модель, отражающую эту взаимосвязь на уровне производственной системы.

Методологическую основу исследования составляют системный и процессный подходы, принципы стратегического менеджмента, элементы кибернетической теории и цифровой экономики. Теоретико-аналитическая часть статьи базируется на обобщении современных научных исследований в области цифровой трансформации, устойчивого развития, управления производственными системами и технологического обновления.

Основная часть. Концепт устойчивого развития прочно вошёл в научный и управленческий лексикон в конце XX века как ответ на нарастающее противоречие между экономическим ростом, истощением ресурсов и ухудшением экологической среды. Первоначально сформулированный в докладе Брундтланд-комиссии как развитие, удовлетворяющее потребности настоящего поколения без ущерба для будущих, данный подход быстро адаптировался к условиям промышленной сферы, где он приобрёл более прикладной и системный характер [2].

Производственная система в этом контексте рассматривается как комплексная открытая структура, включающая материальные потоки, информационные процессы, технологические процедуры, человеческий капитал и институциональные нормы. Устойчивое развитие такой системы предполагает не только сохранение и приумножение её экономического потенциала, но и обеспечение сбалансированности между внутренними ресурсами и внешними вызовами, между краткосрочными целями эффективности и долгосрочными ориентирами стабильности.

Существующие теоретические подходы к устойчивому развитию производственных систем можно условно разделить на три ключевые группы. Первая – ресурсно-ориентированная, где акцент делается на рациональном использовании ресурсов и минимизации отходов; вторая – институционально-управленческая, фокусирующаяся на качестве корпоративного управления, стратегической гибкости и устойчивости организационной модели; третья – инновационно-технологическая, в которой развитие обеспечивается через внедрение новых решений, цифровизацию и интеграцию в глобальные цепочки создания добавленной стоимости.

В современных условиях эти подходы всё чаще интерпретируются в рамках синтетических моделей, учитывающих взаимосвязь экономической, экологической, социальной и технологической устойчивости. Промышленное предприятие становится не просто экономическим агентом, а активным участником в построении устойчивых пространств – от локальных производственных кластеров до глобальных цифровых экосистем. Именно в этой точке возникает необходимость рассмотрения цифровизации как самостоятельного и взаимосвязанного фактора устойчивости, формирующего новое понимание производственной устойчивости – как способности к быстрому обучению, адаптации, интеграции данных и прогнозированию изменений [4].

Следовательно, теоретические подходы к устойчивому развитию не могут оставаться статичными: они требуют расширения за счёт включения цифрового измерения, где устойчивость определяется не только экономической эффективностью и экологической ответственностью, но и качеством цифровых инфраструктур, уровнем технологической зрелости и скоростью принятия инноваций [3].

Цифровизация в промышленной сфере перестала быть вспомогательным технологическим трендом и превратилась в системный драйвер трансформации производственных процессов, архитектуры управления и бизнес-моделей. Производственные системы, ранее опиравшиеся на линейную иерархию и регламентированную логику функционирования, под воздействием цифровых решений приобретают черты гибкости, адаптивности и децентрализованного самообучения. Это качественное изменение затрагивает не только инструментарий, но и саму парадигму производственной деятельности [5].

Прежде всего цифровизация позволяет размыть границы между физическими и виртуальными средами за счёт интеграции киберфизических систем (CPS), Интернета вещей (ИоТ), цифровых двойников, систем предиктивной аналитики и платформенных решений. Такие технологии обеспечивают непрерывный сбор, обработку и интерпретацию данных, что даёт возможность производственной системе «видеть» себя в режиме реального времени и принимать решения в логике адаптивного реагирования. Производство становится интеллектуально насыщенным, а управление – проактивным, основанным на моделировании последствий и цифровых сценариях.

Вторым важным направлением цифровой трансформации становится переосмысление производственной логистики и цепочек создания стоимости. Цифровые платформы обеспечивают синхронизацию участников производственно-сбытового контура, автоматизацию взаимодействий, персонализацию поставок и сокращение времени от заказа до отгрузки. Возникают распределённые производственные сети, где цифровая координация компенсирует пространственную разобщённость. Это не только ускоряет производственные процессы, но и повышает устойчивость системы за счёт дублирования функций и отказоустойчивости [6].

Цифровизация также меняет саму природу труда и организационного поведения. Виртуализация рабочих мест, управление знаниями, интеллектуальные помощники и корпоративные ИИ-системы обеспечивают переобучение персонала, рост производительности и трансформацию компетентностного профиля предприятия. Такие изменения усиливают устойчивость производственной системы, позволяя ей быстро адаптироваться к кадровым рискам, изменениям в структуре занятости и требованиям рынка.

Выводы. Цифровизация выступает не просто технологическим инструментом, а ключевым стратегическим ресурсом, трансформирующим логику функционирования и развития производственных систем. В условиях растущей нестабильности внешней среды и ускоренного научно-технологического прогресса устойчивость предприятий определяется не столько их масштабом или ресурсной базой, сколько способностью к быстрой адаптации, прогнозированию и интеграции цифровых решений. Цифровые технологии обеспечивают новые механизмы управления, координации, предиктивной аналитики и организационного обучения, формируя интеллектуальный каркас устойчивого развития. Цифровизация становится центральным элементом современного стратегического планирования, обеспечивая устойчивость не как статичное состояние, а как динамическое свойство производственной системы в цифровую эпоху.

Список использованных источников:

1. Абрамов В.И. и др. Цифровизация экономических отношений как фактор устойчивого развития стран // Вопросы инновационной экономики. – 2023. – Т. 13. – №. 2. – С. 615-636.
2. Головина А.Н. Применение цифровых технологий в автомобилестроении // А.Н. Головина, О.Г. Иванова, Хао Чжифэй // Естественно-гуманитарные исследования. – 2024. – № 5(55). – С. 85-88. – EDN MNPUDB.
3. Дривольская Н.А., Моложавенко О.А. Цифровизация промышленности как фактор устойчивого развития производства // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – №. 9-1. – С. 74-77.
4. Мрочковский Н.С., Бунеева Е.Ю., Неофиту Э.Г. Цифровизация бизнеса как основа его устойчивого развития // Инновации и инвестиции. – 2023. – №. 10. – С. 61-63.
5. Орлова Т.С. Подходы к решению проблем устойчивого развития для повышения конкурентоспособности промышленных предприятий в условиях цифровизации // Т.С. Орлова, А.А. Тимошин, С.А. Логинова // Естественно-гуманитарные исследования. – 2023. – № 2(46). – С. 164-168. – EDN TFHDNK.
6. Чернышова Е.Н. Применение информационных технологий в структуре управления промышленным предприятием // Е.Н. Чернышова // Научный потенциал. – 2023. – № 3(42). – С. 55-59. – EDN NSHXUQ.

УДК 659.1:685.31

ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМЫ РОССИЙСКИХ ОБУВНЫХ БРЕНДОВ: НА ПРИМЕРЕ RALF RINGER

Чулюкина (Городкова) Наталья Игоревна,
Российский государственный гуманитарный
университет, г. Москва

E-mail: vsgassist@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу рекламных коммуникаций российского обувного бренда Ralf Ringer в условиях импортозамещения. Методами case-study и контент-анализа выявлены стратегии позиционирования, сочетающие традиционные ценности качества с современными цифровыми каналами продвижения. Особое внимание уделено работе с наследием бренда и адаптации к поведенческим паттернам потребителей. Определены ключевые факторы успешной рекламной стратегии.

Abstract. The article analyzes the advertising communications of the Russian footwear brand Ralf Ringer in the context of import substitution. Using case-study and content analysis methods, positioning strategies combining traditional quality values with modern digital promotion channels are identified. Special attention is paid to working with brand heritage and adapting to consumer behavioral patterns. Key factors of successful advertising strategy are determined.

Ключевые слова: реклама, российские бренды, обувная промышленность, Ralf Ringer, маркетинговые коммуникации, позиционирование, импортозамещение, цифровизация.

Key words: advertising, Russian brands, footwear industry, Ralf Ringer, marketing communications, positioning, import substitution, digitalization.

Введение. Современный российский рынок потребительских товаров, в частности обувной сегмент, характеризуется усилением конкуренции и трансформацией потребительских предпочтений. На фоне геополитических изменений и курса на импортозамещение отечественные производители получили уникальный шанс для укрепления позиций. Однако реализация этого потенциала невозможна без разработки эффективных рекламных стратегий, позволяющих не только конкурировать с ушедшими международными брендами по цене, но и выстраивать устойчивую эмоциональную связь с потребителем. В этом контексте реклама становится ключевым инструментом формирования лояльности и передачи ценностных ориентиров бренда.

Актуальность. Актуальность темы исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, это возросшая роль отечественных брендов в экономике России и их влияние на формирование потребительской культуры. Во-вторых, недостаточная изученность коммуникационных стратегий именно в сегменте обуви среднего ценового диапазона, который является наиболее чувствительным к изменениям рыночной конъюнктуры. В-третьих, необходимость систематизации успешных практик рекламного продвижения,

которые могут быть тиражированы другими российскими компаниями. Бренд Ralf Ringer, обладающий более чем 25-летней историей на рынке и узнаваемостью, представляет собой репрезентативный кейс для такого анализа.

Основная часть. Исследование опирается на теоретические положения современной теории брендинга (Келлер, 2013) и модели интеграционных маркетинговых коммуникаций (Шульц, Тауненбаум). В качестве основных методов использованы: case-study – глубокий анализ рекламной деятельности Ralf Ringer за период 2020-2024 гг.; сравнительный анализ его рекламных кампаний с условными «советскими» и «западными» подходами; контент-анализ публикаций бренда в социальных сетях (ВКонтакте, Яндекс.Дзен) и на официальном сайте. Особое внимание уделено анализу вовлеченности аудитории и трансформации рекламных сообщений в зависимости от используемой платформы.

Ключевой особенностью рекламных коммуникаций бренда является опора на триаду «качество – комфорт – доступность». В отличие от люксовых брендов, делающих ставку на статус, или ультрабюджетных марок, акцентирующих внимание потребителя лишь на цене, Ralf Ringer занимает нишу «разумной покупки». В рекламных материалах последовательно обыгрывается тема отечественного производства, что в текущих условиях является значимым конкурентным преимуществом и отсылает к ценностям надежности и поддержки национальной экономики (Гордин, 2021). Визуальный ряд и слоганы (например, «Обувь, которая работает на вас») подчеркивают практическую пользу и долговечность продукции, ассоциируя бренд с инвестицией в здоровье и повседневное удобство. Важным элементом позиционирования является акцент на ортопедические характеристики продукции, что усиливает восприятие бренда как заботящегося о здоровье потребителей.

Медиамикс бренда демонстрирует гибридный подход. Сохраняется присутствие в офлайн-каналах: реклама в специализированных печатных изданиях, участие в отраслевых выставках. Однако фокус смещен в цифровую среду. Официальный сайт выполняет функцию не только интернет-магазина, но и контент-хаба, где размещаются статьи об уходе за обувью, материалы о технологиях производства. Активно развиваются социальные сети, особенно ВКонтакте и Яндекс.Дзен, где бренд ведет не столько прямую рекламу, сколько строит сообщество, вовлекая пользователей через конкурсы, опросы, истории клиентов и экспертный контент о подборе обуви. Это соответствует тренду на value-based marketing (Ценностно-ориентированный маркетинг), когда бренд стремится дать потребителю дополнительную пользу помимо самого продукта (Котлер, 2016). Особенностью цифровой стратегии является активная работа с пользовательскими отзывами и их интеграция в рекламные материалы, что усиливает социальное доказательство.

Уникальной чертой является использование «производственной легенды». Бренд не скрывает, а, напротив, активно коммуницирует свою историю, которая начинается в 1996 году. Это создает образ стабильности и экспертности. При этом реклама не застревает в прошлом: активно продвигаются новые технологичные коллекции (например, линии с мембранной технологией, антискользящими подошвами), что позволяет привлекать более молодую аудиторию, ценящую функциональность. Таким образом, реклама Ralf Ringer успешно балансирует между традицией, олицетворяющей надежность, и

инновацией, отвечающей запросам современного городского жителя. Отдельного внимания заслуживает стратегия сегментации продукта, где классические модели адресованы консервативной аудитории, а технологичные новинки – более молодым и активным потребителям.

Выводы

Результаты исследования свидетельствуют о следующих особенностях рекламы российского обувного бренда Ralf Ringer:

1. Стратегия позиционирования строится на ценностях качества, комфорта и разумной цены, усиленных акцентом на отечественное производство, что резонирует с трендом поддержки локальных брендов. Особую эффективность демонстрирует акцент на здоровье и ортопедические преимущества продукции.

2. Коммуникационная политика характеризуется гибридным подходом: сочетание проверенных офлайн-каналов с активным развитием цифровых платформ, где ключевую роль играет построение комьюнити и создание экспертного контента. При этом в цифровой среде преобладает стратегия вовлечения через пользовательский контент и социальные доказательства.

3. Уникальное торговое предложение формируется за счет синтеза «производственной легенды» (истории и традиций) и демонстрации технологических инноваций в продукте, что позволяет охватывать разновозрастные аудитории. Данный баланс между наследием и современностью является ключевым конкурентным преимуществом бренда.

4. Эффективность рекламной модели подтверждается устойчивой лояльностью потребителей и способностью бренда адаптироваться к меняющимся рыночным условиям. Предложенная многоуровневая модель коммуникаций, сочетающая эмоциональные и рациональные преимущества, может быть успешно адаптирована другими российскими компаниями потребительского сектора при разработке собственных коммуникационных стратегий.

Список использованных источников:

1. Келлер К.Л. Стратегический бренд-менеджмент: создание, оценка и управление марочным капиталом. – 4-е изд. – М.: Вильямс. – 2013. – 704 с.

2. Котлер Ф., Картаджайя Х., Сетиаван А. Маркетинг 4.0: Бренд в эпоху цифровых технологий. – М.: Эксмо. – 2016. – 208 с.

3. Шульц Д., Шульц Х. Создание бренда. Новая парадигма / Пер. с англ. – М.: Вильямс. – 2021. – 304 с.

4. Гордин В. Э., Трабская Ю. Г. Устойчивость российских брендов в условиях меняющейся потребительской лояльности // Бизнес. Образование. Право. – 2022. – № 4 (61). – С. 78-83. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivost-rossiyskih-brendov-v-usloviyah-men-yuscheysya-potrebitelskoy-loyalnosti> (дата обращения: 15.10.2024).

5. Официальный сайт обувного бренда Ralf Ringer. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ralf-ringer.ru> (дата обращения: 15.10.2024).

6. Сообщество бренда Ralf Ringer в социальной сети «ВКонтакте». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/ralf_ringer (дата обращения: 15.10.2024).

УДК 332.146.2

ЭКОНОМИКО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аджиев Ахмед Бексолтанович,
Московский финансово-промышленный
университет «Синергия», г. Москва

E-mail: ahmed9598@bk.ru

Аннотация. Проведен комплексный анализ инвестиционной привлекательности Чеченской Республики с использованием современных методик оценки. Выявлены ключевые проблемы и перспективы развития инвестиционного потенциала региона. Представлены статистические данные, характеризующие динамику основных экономических показателей республики за последние годы.

Abstract. A comprehensive analysis of the investment attractiveness of the Chechen Republic using modern assessment methods has been carried out. Key problems and prospects for the development of the region's investment potential have been identified. Statistical data characterizing the dynamics of the main economic indicators of the republic in recent years are presented.

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, Чеченская Республика, региональная экономика, валовой региональный продукт, инвестиционный климат, экономико-статистический анализ.

Key words: investment attractiveness, Chechen Republic, regional economy, gross regional product, investment climate, economic and statistical analysis.

Введение. Привлечение инвестиций представляет собой одну из центральных задач региональной экономической политики современной России. Инвестиционные ресурсы ограничены, при этом потребность регионов в капитальных вложениях остается высокой. В условиях санкционного давления и геополитической напряженности проблема оценки инвестиционной привлекательности субъектов Российской Федерации приобретает дополнительную актуальность.

Чеченская Республика занимает особое место среди регионов Северо-Кавказского федерального округа. После периода восстановления экономики республика демонстрирует заметные темпы роста основных экономических показателей. По итогам 2024 года валовой региональный продукт республики составил 314,4 млрд рублей, что превышает показатель предыдущего года на 16,6% [1]. Однако данные различных рейтинговых агентств показывают неоднозначную картину положения региона в общероссийском контексте.

Актуальность. Исследование инвестиционной привлекательности Чеченской Республики актуально по нескольким причинам. Республика

находится на важном геополитическом направлении, обладает значительным демографическим потенциалом и демонстрирует высокие темпы экономического роста. Вместе с тем, существующие методики оценки инвестиционной привлекательности показывают противоречивые результаты. Так, если по темпам роста инвестиций республика занимает лидирующие позиции, то в комплексных рейтингах оказывается в числе аутсайдеров.

Необходимость детального анализа обусловлена также тем, что до 2030 года в республике планируется реализация 562 инвестиционных проектов общей стоимостью более 530 млрд рублей [1]. Эффективность реализации этих проектов во многом зависит от объективной оценки текущего состояния инвестиционного климата и выявления факторов, сдерживающих приток капитала.

Основная часть. Существует несколько подходов к оценке инвестиционной привлекательности регионов. Наиболее распространенными являются методики рейтингового агентства «Эксперт РА», Национального рейтингового агентства и Агентства стратегических инициатив. Каждая из методик имеет свои особенности, однако все они основываются на комплексном анализе широкого спектра показателей.

Методика агентства «Эксперт РА» предполагает расчет интегрального показателя на основе 66 параметров, объединенных в пять блоков: инфраструктурные ресурсы (40% веса), социальные ресурсы (30%), экономические ресурсы (10%), финансовые ресурсы (10%) и состояние окружающей среды (10%) [2]. Такое распределение весов отражает приоритетное значение инфраструктурного и социального развития для формирования благоприятной инвестиционной среды.

Альтернативная методика Национального рейтингового агентства использует набор из 55 показателей, сгруппированных в семь блоков [3]. При этом отсутствие корректировок методики от года к году обеспечивает сопоставимость результатов во временной перспективе. По итогам 2024 года 30 регионов России повысили свой уровень инвестиционной привлекательности, при этом список субъектов с высокой инвестиционной привлекательностью пополнили 7 регионов [3]. Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата, разрабатываемый Агентством стратегических инициатив, строится на 45 показателях, группируемых в 17 факторов [4]. Данный рейтинг оценивает не столько потенциал региона, сколько усилия региональных властей по созданию благоприятных условий для бизнеса.

Анализ статистических данных показывает, что за последние годы в Чеченской Республике произошли существенные позитивные изменения. Объем инвестиций в экономику республики в 2023 году достиг 163 млрд рублей, увеличившись почти на 40% по сравнению с предыдущим периодом [1]. Примечательно, что более половины этих инвестиций - 51% - составили частные вложения, что свидетельствует о растущем доверии бизнеса к региональной экономике.

Рост валового регионального продукта также демонстрирует положительную динамику. По данным Территориального органа Федеральной

службы государственной статистики, показатель ВРП на душу населения в республике за последние годы увеличился [5]. Основной вклад в экономику региона вносят оптовая и розничная торговля, строительство, а также сельское и лесное хозяйство. Объем инвестиций в основной капитал за 2024 год составил 198,8 млрд рублей, что на 16,3% превышает показатели 2023 года [1].

Географическое положение республики создает дополнительные возможности для развития. Через территорию региона проходят стратегически важная Транскавказская железная дорога и федеральная автомобильная дорога «Кавказ», связывающие Северный Кавказ с республиками Закавказья [6]. Функционирующий международный аэропорт Грозный является крупнейшим на Северном Кавказе.

По результатам комплексной оценки агентства «Эксперт РА» за 2023 год Чеченская Республика отнесена к группе регионов с уровнем инвестиционной привлекательности «С», что соответствует низкому уровню [2]. Такая оценка может показаться неожиданной на фоне высоких темпов роста инвестиций и ВРП. Детальный анализ по отдельным блокам позволяет понять причины такого положения.

По блоку инфраструктурных ресурсов Чеченская Республика оказалась в числе последних десяти регионов России [2]. Недостаточная развитость инфраструктуры проявляется в нескольких аспектах. Так, менее 10 человек на 100 человек населения являются активными абонентами фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет, что существенно ниже среднероссийского показателя. Дорожная сеть также требует значительной модернизации.

Финансовые ресурсы республики получили одну из самых низких оценок среди всех субъектов Федерации. Чеченская Республика входит в число регионов с наибольшей зависимостью от федеральных трансфертов. Доля дотаций в бюджете республики, хотя и снизилась за последние годы с 64% до 40%, остается высокой [1]. Налоговые и неналоговые доходы на душу населения значительно уступают среднероссийскому уровню.

Экономический блок показателей также демонстрирует проблемные зоны. Доля инновационных товаров, работ и услуг в общем объеме производства составляет всего 0,1%, что ставит республику в число регионов с минимальными показателями инновационной активности [2]. Значительная часть населения занята в неформальном секторе экономики, что превышает 30-процентный барьер.

При этом по некоторым социальным показателям регион имеет более благоприятную картину. Уровень преступности в Чеченской Республике - один из самых низких в России, менее пяти преступлений на тысячу человек населения [2]. Это создает определенные предпосылки для формирования безопасной деловой среды.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос информационной открытости региональной власти. Агентство «Эксперт РА» отмечает, что Чеченская Республика входит в число регионов с низким уровнем открытости инвестиционной информации [2]. На официальных ресурсах зачастую

отсутствуют или устарели данные о тарифах на энергоресурсы, доступных земельных участках, объектах недвижимости для инвестиционной деятельности.

Информационная доступность выступает одним из ключевых инструментов повышения инвестиционной привлекательности. Открытые данные помогают потенциальным инвесторам быстрее оценить возможности региона и принять обоснованные решения. Регионы-лидеры инвестиционных рейтингов, такие как Москва, Санкт-Петербург, Краснодарский край, активно развивают цифровые инвестиционные порталы [2]. Чеченской Республике предстоит проделать значительную работу в данном направлении.

Анализ инвестиционной ситуации в Северо-Кавказском федеральном округе показывает, что проблемы Чеченской Республики во многом характерны для всего макрорегиона. Большинство республик СКФО демонстрируют высокий уровень безработицы, низкие показатели инновационной активности и значительную долю неформальной занятости [2]. Вместе с тем, динамика развития различается.

По итогам 2023 года Чеченская Республика заняла седьмое место среди регионов России с наилучшим инвестиционным климатом согласно Национальному рейтингу [1]. Данный рейтинг акцентирует внимание на усилиях региональных властей по улучшению условий ведения бизнеса. Такое высокое место свидетельствует о том, что руководство республики предпринимает активные меры по привлечению инвесторов.

В рамках обсуждения перспектив развития регионов Северного Кавказа отмечалось, что Чечня позиционируется как территория с потенциалом для привлечения как внутренних, так и зарубежных инвестиций [1]. Программа развития предполагает создание более 53 тысяч новых рабочих мест, что может существенно снизить уровень безработицы.

Несмотря на текущие проблемы, Чеченская Республика обладает рядом факторов, которые могут способствовать улучшению инвестиционного климата. Высокие темпы роста ВРП и инвестиций создают позитивный тренд. Модель экономического развития Чечни до 2030 года предусматривает реализацию масштабной инвестиционной программы [6].

Поддержка со стороны федерального центра также играет существенную роль. Реализация национальных проектов, предоставление инфраструктурных бюджетных кредитов позволяют регионам активнее развивать базовую инфраструктуру [2]. Для Чеченской Республики критически необходимы инвестиции в транспортную и цифровую инфраструктуру.

Демографический потенциал региона представляет собой важное конкурентное преимущество в условиях общероссийского дефицита трудовых ресурсов. Молодое население республики может стать основой для развития новых производств при условии повышения качества профессионального образования и создания современных рабочих мест.

Выводы. Проведенный экономико-статистический анализ инвестиционной привлекательности Чеченской Республики позволяет сформулировать несколько ключевых положений. Республика демонстрирует высокую динамику роста основных экономических показателей, однако продолжает занимать низкие позиции в комплексных рейтингах инвестиционной

привлекательности. Такое противоречие объясняется структурными проблемами региональной экономики.

Основными факторами, сдерживающими повышение инвестиционной привлекательности, выступают недостаточное развитие инфраструктуры, высокая зависимость бюджета от федеральных трансфертов, низкая инновационная активность и слабая информационная открытость. При этом усилия региональных властей по улучшению инвестиционного климата находят отражение в специализированных рейтингах.

Перспективы развития инвестиционного потенциала республики связаны с реализацией масштабной программы инвестиционных проектов, модернизацией инфраструктуры при поддержке федерального центра и повышением качества человеческого капитала. Географическое положение и демографический потенциал создают предпосылки для превращения региона в привлекательную площадку для размещения новых производств.

Для достижения устойчивого улучшения инвестиционной привлекательности необходим комплексный подход, включающий развитие инфраструктуры, повышение информационной открытости, стимулирование инновационной активности и укрепление финансовой самостоятельности региона. Только системная работа по всем этим направлениям позволит Чеченской Республике реализовать имеющийся потенциал и занять более высокие позиции в рейтингах инвестиционной привлекательности.

Список использованной литературы:

1. Чеченская Республика // Информационно-аналитический портал TAdviser. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Чеченская_Республика (дата обращения: 14.10.2025).
2. Инвестиционная привлекательность регионов: новые вызовы и возможности для инвесторов // Рейтинговое агентство «Эксперт РА». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://raexpert.ru/researches/regions/invest_regions_2024/ (дата обращения: 14.10.2025).
3. XII Ежегодная оценка инвестиционной привлекательности регионов России // Национальное рейтинговое агентство. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ra-national.ru/analitika/nra-opublikovalo-rezultaty-xii-ezhegodnogo-issledovaniya-po-ocenke-investicionnoj-privlekatelnosti-regionov/> (дата обращения: 14.10.2025).
4. Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в регионах // Агентство стратегических инициатив. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://asi.ru/government_officials/rating/ (дата обращения: 14.10.2025).
5. Чеченская Республика в цифрах. 2024: Краткий статистический сборник // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Чеченской Республике. – Грозный: Чеченстат, 2024. – 148 с.
6. Чеченская Республика: инвестиционный портал // Министерство экономического развития Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://invest.economy.gov.ru/regional-investments/chechenskaya-respublika> (дата обращения: 14.10.2025).

УДК 33

**ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ МАТЕМАТИЧЕСКИХ
МЕТОДОВ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

*Айвазашвили Леви Омариевич,
Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова, г. Москва*

E-mail: leviqwerl@gmail.com

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ исторической эволюции применения математических методов в экономической теории. Исследуются основные этапы данного процесса – от использования элементарных арифметических расчетов в древности до разработки сложных эконометрических моделей и теории игр в XX веке. Особое внимание уделяется методологическому влиянию математизации на экономическую науку, а также критическому осмыслению ограничений формальных моделей. Рассматриваются перспективы интеграции новых вычислительных технологий в экономический анализ.

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the historical evolution of the application of mathematical methods in economic theory. The main stages of this process are investigated, from the use of elementary arithmetic calculations in ancient times to the development of complex econometric models and game theory in the 20th century. Special attention is paid to the methodological impact of mathematization on economics, as well as a critical understanding of the limitations of formal models. The prospects of integrating new computing technologies into economic analysis are considered.

Ключевые слова: математические методы в экономике, история экономической мысли, модели общего равновесия, теория игр, эконометрика, методология экономики, математическое моделирование.

Key words: mathematical methods in economics, history of economic thought, models of general equilibrium, game theory, econometrics, methodology of economics, mathematical modeling.

Введение. Интеграция математических методов в экономическую науку представляет собой один из наиболее значимых трендов в ее историческом развитии. Этот процесс кардинально трансформировал методологический аппарат экономической теории, способствуя ее переходу от качественных описаний к строгим количественным анализам и прогнозам. Математизация экономики позволила формализовать ключевые концепции, повысить аналитическую строгость выводов и разработать инструменты для проверки гипотез на эмпирических данных.

Актуальность исследования исторических аспектов этого процесса обусловлена необходимостью понимания гносеологических оснований

современного экономического знания. Анализ эволюции математических методов позволяет выявить не только их бесспорные достижения, но и методологические ограничения, что особенно важно в контексте современных вызовов, связанных с глобализацией, цифровизацией и возрастающей сложностью экономических систем.

Целью настоящего исследования является системный анализ исторических этапов проникновения математики в экономику, оценки их влияния на теоретический фундамент дисциплины и выявления актуальных проблем и перспектив. Для достижения этой цели в работе решаются следующие задачи: прослеживание основных вех исторической эволюции математических методов в экономике; анализ ключевых математических моделей и их вклада в экономическую теорию; критическая оценка методологических ограничений математизации; выявление современных тенденций и перспектив развития.

Основная часть. Истоки применения математики в экономике прослеживаются в древних аграрных обществах, где геометрия использовалась для измерения земель, а арифметика – в коммерческих операциях. В Древней Греции и Риме математические методы применялись для решения практических экономических задач: расчета налогов, ведения учетных записей, определения стоимости товаров и услуг. Эти ранние применения носили сугубо прикладной характер и не формировали системного подхода к экономическому анализу.

Значительный шаг в направлении математизации экономической мысли был сделан в эпоху меркантилизма и физиократии. Физиократы, и в частности Франсуа Кенэ, предприняли первую попытку создания макроэкономической модели. Его «Экономическая таблица» (1758) стала первой работой, формализующей кругооборот благ между основными классами общества [6]. Хотя математический аппарат, использованный Кенэ, был относительно простым, сама идея представления экономики как системы взаимосвязанных потоков оказала влияние на последующее развитие экономической науки.

Научная революция XVII-XVIII веков, с ее акцентом на количественные методы и математическое описание природных явлений, заложила методологический фундамент для последующей математизации экономики. Экономисты начали активно заимствовать математические подходы из естественных наук, что способствовало переходу от чисто качественных описаний к попыткам количественного анализа.

Значительным прорывом стало формирование в XIX веке теории предельной полезности, разработанной практически одновременно и независимо У. Джевонсом, К. Менгером и Л. Вальрасом. Эта теория позволила перейти к построению графических моделей спроса и предложения и заложила основы современной микроэкономики [9]. Особенно важный вклад внес Леон Вальрас, разработавший модель общего экономического равновесия, которая стала первой попыткой системного математического описания всей экономики как взаимосвязанного целого [2].

Альфред Маршалл, синтезировавший идеи классической школы и маржиналистов, существенно развил математический аппарат экономической теории. Он ввел в широкое употребление графики спроса и предложения,

концепции эластичности, потребительского излишка, что позволило перевести многие экономические дискуссии на язык кривых и функций [9].

Промышленная революция XIX века стимулировала спрос на точные экономические расчеты, что привело к активному использованию статистических методов. Развитие государственной статистики, сбор данных о экономической активности создали предпосылки для развития эконометрики как самостоятельной дисциплины.

Работы Адольфа Кетле по социальной физике, в которых он применял статистические методы к анализу социальных и экономических явлений, оказали значительное влияние на экономическую науку. Концепция «среднего человека» Кетле и использование закона больших чисел для выявления социальных закономерностей подготовили почву для последующего развития экономической статистики [8].

В этот период начинает формироваться понимание необходимости соединения экономической теории, математики и статистики для эмпирической проверки теоретических гипотез. Это понимание нашло свое отражение в работах многих экономистов конца XIX – начала XX века, которые активно использовали статистические данные для подкрепления своих теоретических построений.

XX век ознаменовался подлинной математизацией экономической науки. Этот процесс был связан не только с разработкой новых математических методов, но и с их институционализацией в рамках экономического сообщества. Создание Эконометрического общества в 1930 году стало важной вехой в этом процессе, консолидировав усилия экономистов, математиков и статистиков, работавших на стыке этих дисциплин.

Работы первых нобелевских лауреатов по эконометрике Рангара Фриша и Яна Тинбергена заложили методологические основы новой дисциплины [11]. Фриш ввел сам термин «эконометрика» и разработал многие ее базовые методы, а Тинберген создал первые комплексные эконометрические модели национальных экономик, предназначенные для анализа экономической политики.

Важным показателем математизации экономики стало резкое увеличение доли математических моделей в ведущих экономических журналах. Если в 1930-х годах лишь около 10% статей содержали существенные математические выкладки, то к 1980-м годам эта доля возросла до 75%. Это свидетельствовало о фундаментальном изменении языка и метода экономической науки.

XX век стал свидетелем развития принципиально новых математических методов, оказавших влияние на экономическую теорию. Развитие линейного программирования, пионером которого стал Леонид Канторович, произвело революцию в подходе к проблемам оптимального распределения ресурсов. Методы математического программирования нашли широкое применение не только в теоретической экономике, но и в практике управления предприятиями, отраслями и народными хозяйствами.

Столь же значимым было развитие теории игр, основанной Джоном фон Нейманом и Оскаром Моргенштерном [13]. Дальнейший вклад Джона Нэша,

предложившего концепцию равновесия, ставшую краеугольным камнем современной микроэкономики, позволил анализировать стратегические взаимодействия экономических агентов в ситуациях, где результат зависит от действий всех участников [10]. Теория игр нашла применение в производстве, международной торговле, теории контрактов и многих других областях экономики.

Середина XX века ознаменовалась активным развитием макроэкономического моделирования. Модель экономического роста Роберта Солоу стала классическим инструментом анализа долгосрочных тенденций экономического развития. Она позволила формализовать анализ факторов роста и заложила основу для последующих исследований роли человеческого капитала, технологического прогресса и институциональных факторов в экономическом развитии [12].

1950-1960-е годы стали периодом активного внедрения в экономику методов оптимального управления, разработанных в рамках инженерных дисциплин. Динамическое программирование Ричарда Беллмана и принцип максимума Льва Понтрягина открыли новые возможности для анализа межвременного выбора и динамической оптимизации в экономике.

Эти методы нашли широкое применение в макроэкономике, особенно в области анализа экономической политики. Модели оптимального управления стали использоваться для решения задач стабилизационной политики, управления государственным долгом, определения оптимальных траекторий потребления и сбережения. Формализация проблем межвременного выбора позволила перевести многие дискуссии о экономической политике на язык точных математических моделей.

Развитие динамического анализа также способствовало развитию новой классической макроэкономики, основанной на гипотезе рациональных ожиданий. Представители этого направления (Р. Лукас, Т. Сарджент, Р. Барро) показали, что учет ожиданий экономических агентов фундаментально меняет выводы относительно эффективности экономической политики.

Модель общего экономического равновесия, первоначально предложенная Леоном Вальрасом, прошла сложный путь развития в XX веке. Работы Кеннета Эрроу, Жерара Дебрё и Лайонела Маккензи по доказательству существования равновесия в модели Вальраса стали знаковым достижением математической экономики. Использование усовершенствованной математического аппарата теории множеств, топологии и выпуклого анализа позволило строго сформулировать условия существования равновесия в экономике с множеством рынков.

Дальнейшее развитие моделей общего равновесия связано с включением в них временного аспекта (межвременное равновесие) и неопределенности (равновесие по состояниям природы). Эти расширения позволили анализировать проблемы сбережения, инвестирования, формирования цен на активы в единой теоретической модели.

Одновременно с теоретическим развитием происходило и прикладное применение моделей общего равновесия. Вычислимые модели общего

равновесия стали важным инструментом анализа последствий экономической политики, особенно в области международной торговли, налоговой реформы, изменения тарифной политики. Эти модели позволяют измерить эффекты политических вмешательств и прогнозировать их влияние на различные сектора экономики и группы населения.

Эконометрика как дисциплина прошла сложную эволюцию от простых методов корреляционного анализа к усовершенствованным статистическим методам, позволяющим решать проблемы причинного вывода. Развитие методов множественной регрессии, систем одновременных уравнений, анализа временных рядов значительно расширило возможности эмпирических экономических исследований.

Особое значение имело развитие методов идентификации причинных эффектов в условиях неэкспериментальных данных. Инструментальные переменные, метод разностей в разностях, регрессионный дизайн прерывности и другие методы позволили экономистам приблизиться к решению фундаментальной проблемы корреляции и причинности.

Современная эконометрика характеризуется активным использованием непараметрических и полупараметрических методов, методов машинного обучения для анализа данных. Эти подходы позволяют ослабить жесткие параметрические предположения традиционной эконометрики и лучше учитывать сложность экономических данных.

Широкое распространение сложных математических моделей выявило не только их потенциал, но и методологические ограничения. Критика, наиболее ярко выраженная в работах Фридриха Хайека, указывала на опасность «пагубной самонадеянности» – чрезмерной веры в способность моделей, основанных на строгих предпосылках (рациональность, полная информация), описывать реальную сложность экономических процессов [14].

Хайек и другие представители австрийской школы подчеркивали, что большая часть знаний, необходимых для экономической координации, является неявной, рассеянной среди множества экономических агентов и не может быть формализована и включена в централизованную модель. С этой точки зрения, попытка представить экономику в виде системы уравнений принципиально неадекватна природе экономических явлений.

Другой аспект критики связан с проблемой реализма предпосылок экономических моделей. Как отмечали такие экономисты, как Герберт Саймон, предположение о полной рациональности экономических агентов является серьезным упрощением реальности. Теория ограниченной рациональности Саймона предлагает альтернативный подход, признающий когнитивные ограничения лиц, принимающих решения.

Важным направлением критики математизации экономики является обвинение в игнорировании социальных, институциональных и исторических факторов. Многие математические модели абстрагируются от институционального контекста, в котором функционирует экономика, что снижает их объяснительную силу и практическую полезность.

Представители институциональной экономики (Торстейн Веблен, Джон Коммонс, Дуглас Норт) подчеркивали, что экономическое поведение не может

быть понято вне институциональных основ, которые его формируют. Нормативные системы, права собственности, неформальные правила и социальные нормы играют решающую роль в функционировании экономики, но с трудом поддаются формализации в рамках традиционных математических моделей.

Игнорирование социального контекста стало особенно очевидным в контексте глобального финансового кризиса 2008 года, когда многие формальные модели оказались неспособными предсказать системные риски, накапливающиеся в финансовой системе. Кризис выявил ограниченность моделей, не учитывающих институциональные особенности финансовых рынков, роль доверия и социальных сетей в распространении финансовой паники.

Фундаментальной проблемой математизации экономики является сложность измерения многих ключевых экономических концепций. В отличие от естественных наук, где основные переменные могут быть непосредственно измерены с помощью стандартизированных инструментов, в экономике многие важные концепции (полезность, ожидания, доверие, институциональное качество) не поддаются непосредственному наблюдению и измерению.

Проблема измерения особенно остро стоит в макроэкономике, где многие переменные являются конструктами, создаваемыми статистическими учреждениями на основе определенных методологических предположений. Пересмотр этих предположений может фундаментально изменить значения ключевых макроэкономических показателей и, следовательно, выводы эмпирических исследований.

Еще одной проблемой является зависимость экономических измерений от теоретических предпосылок. В отличие от физических измерений, которые могут быть проведены независимо от теории, экономические измерения часто предполагают подтверждение определенных теоретических моделей, что создает цикличность в проверке теорий.

Современный этап развития математических методов в экономике характеризуется активной интеграцией новых вычислительных технологий. Методы машинного обучения, искусственного интеллекта, обработки больших данных открывают новые возможности для экономического анализа. Эти методы позволяют работать с огромными массивами неструктурированных данных, выявлять сложные нелинейные зависимости, строить прогнозы на основе паттернов, которые трудно формализовать в рамках традиционных параметрических моделей.

Особый интерес представляет применение методов машинного обучения для решения проблем. Современные алгоритмы позволяют более эффективно оценивать показатели склонности, строить контрфактические сценарии, идентифицировать разнородные эффекты вмешательств в разных подгруппах населения.

Развитие вычислительных методов также способствует развитию новых областей экономических исследований, таких как экономика цифровых платформ, анализ сетевых эффектов, изучение поведения экономических агентов

в онлайн-среде. Эти области характеризуются доступностью детализированных данных о поведении, что открывает возможности для тестирования микроэкономических гипотез с беспрецедентной точностью.

Важной современной тенденцией является синтез математических методов с подходами поведенческой и экспериментальной экономики. Этот синтез позволяет смягчить жесткие предпосылки о рациональности экономических агентов, не отказываясь при этом от математической строгости анализа.

Поведенческая экономика предлагает альтернативные модели принятия решений, основанные на психологических закономерностях (теории перспектив, эвристики и предубеждений, гиперболического дисконтирования). Эти модели, будучи формализованные математически, позволяют лучше описывать экономическое поведение и разрабатывать более эффективные политические меры воздействия.

Экспериментальная экономика, в свою очередь, предоставляет методологию для тестирования теоретических гипотез в контролируемых условиях. Сочетание экспериментальных методов с математическим моделированием позволяет уточнять теоретические модели, проверять их поведенческие предпосылки, идентифицировать параметры моделей.

Перспективным направлением развития является создание междисциплинарных моделей, интегрирующих экономические, социальные, экологические и политические факторы. Комплексность современных глобальных вызовов (изменение климата, неравенство, миграция, пандемия) требует выхода за рамки традиционных экономических моделей.

Развитие комплексной оценки моделей, соединяющих экономические и климатические модули, является примером такого междисциплинарного подхода. Эти модели позволяют анализировать долгосрочные последствия климатической политики, оценивать компромиссы между экономическим ростом и экологической устойчивостью.

Другим примером является развитие моделей, учитывающих взаимосвязь экономического развития и социального единства. Эти модели позволяют анализировать, как экономические политики влияют на неравенство, социальная мобильность, политическая стабильность, и как эти социальные факторы, в свою очередь, влияют на экономическое развитие.

Выводы. Проведенное исследование позволяет заключить, что математические методы стали неотъемлемым и мощным инструментом экономической науки, обеспечивающим теоретическую строгость и аналитическую точность. Их историческая эволюция от простых вычислений к комплексным моделям отражает рост сложности экономических исследований и возрастающие требования к точности анализа.

Математизация экономики позволила формализовать ключевые концепции, разработать строгие методы проверки гипотез, создать инструменты для прогнозирования и политической оценки. Вместе с тем, эффективность применения математического аппарата напрямую зависит от осознания его методологических границ, включая проблемы абстракции и необходимость учета внеэкономических факторов.

Современный этап развития характеризуется синтезом традиционных математических методов с новыми вычислительными технологиями и подходами из смежных дисциплин. Этот синтез открывает возможности для преодоления ограничений традиционных моделей и создания более адекватных инструментов для анализа сложных экономических систем.

Дальнейший прогресс в данной области связан с разработкой гибридных моделей, сочетающих математическую строгость с достижениями смежных социальных наук, а также с развитием методов, способных учитывать сложность, неопределенность и эволюцию природы экономических систем. Важным направлением является также развитие методов, позволяющих измерить влияние институциональных и культурных факторов на экономическое поведение.

Список использованных источников:

1. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. // М.: РОССПЭН. – 1998.
2. Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии. // М.: Изограф. – 2000.
3. Интрилигейтор М. Математические методы оптимизации и экономическая теория. // М.: Прогресс. – 1975.
4. Канторович Л. В. Математические методы организации и планирования производства. // Л.: Изд-во ЛГУ. – 1939.
5. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. // М.: Гелиос АРВ. – 2002.
6. Кенэ Ф. Экономическая таблица. // М.: Экономика. – 1960.
7. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. // М.: Экономика. – 2002.
8. Красс М. С., Чупринов Б. И. Математические методы и модели в экономике. // СПб.: Питер. – 2010.
9. Маршалл А. Принципы экономической науки. // Т. 1. М.: Прогресс. – 1993.
10. Нэш Дж. Равновесие в теории игр // Вестник Санкт-Петербургского университета. // Сер. 5: Экономика. – 2002. – № 4.
11. Оуэн Г. Теория игр. // М.: Либроком. – 2010.
12. Солоу Р. Теория экономического роста. // М.: ИНФРА-М. – 2003.
13. Фон Нейман Дж., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. // М.: Наука. – 1970.
14. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. // М.: Новости. – 1992.
15. Backhouse R. E. The Ordinary Business of Life: A History of Economics from the Ancient World to the Twenty-First Century // Princeton: Princeton University Press. – 2002.

УДК 33

**ВЛИЯНИЕ МОДЕЛИ ADKAR НА УСТОЙЧИВОСТЬ
ИЗМЕНЕНИЙ В ОРГАНИЗАЦИЯХ**

Волохов Михаил Михайлович,
Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого, г. Санкт-Петербург

E-mail: mvolohov22@mail.ru

Аннотация. На фоне глобальной конкуренции и ускоряющегося технологического прогресса способность организаций адаптироваться к изменениям и эффективно управлять внедрением инноваций становится решающим фактором их устойчивого развития. Проблемы сопротивления со стороны сотрудников, нехватки компетенций и недостаточного понимания целей трансформаций нередко приводят к снижению эффективности реализации стратегий и процессов. В этой связи особенно востребованы системные подходы к управлению изменениями, среди которых выделяется модель ADKAR. Этот инструмент позволяет учитывать человеческий фактор на каждом этапе трансформации, способствуя повышению устойчивости изменений в организациях.

В статье исследуется влияние модели ADKAR – персонализированного подхода к управлению изменениями, разработанного Джеффом Хиааттом, – на формирование долгосрочной устойчивости организационных трансформаций. Проанализированы все пять компонентов модели (Awareness, Desire, Knowledge, Ability, Reinforcement) и их вклад в преодоление сопротивления, формирование мотивации, развитие компетенций и закрепление новых практик в корпоративной культуре. На основе системного анализа теоретических и практических источников выявлены ключевые факторы устойчивости изменений: поддержка руководства, целенаправленное обучение, мотивационные механизмы и постоянное подкрепление результатов. Предложены практические рекомендации по интеграции модели ADKAR в управленческую практику для повышения эффективности и долговременности организационных изменений.

Abstract. Against a backdrop of global competition and accelerating technological progress, organizations' ability to adapt to change and effectively manage innovation is becoming a critical factor in their sustainable development. Issues of employee resistance, lack of competencies, and a poor understanding of transformation goals often lead to reduced effectiveness in implementing strategies and processes. In this context, systemic approaches to change management are particularly in demand, including the ADKAR model. This tool allows for the human factor to be considered at every stage of transformation, helping to increase the sustainability of organizational change.

This article examines the impact of the ADKAR model – a personalized approach to change management developed by Jeff Hiatt – on the long-term sustainability of organizational transformations. All five components of the model (Awareness, Desire, Knowledge, Ability, and Reinforcement) are analyzed, along with their contribution to overcoming resistance, fostering motivation, developing competencies, and entrenching new practices in corporate culture. Based on a systemic analysis of theoretical and practical sources, key factors for change sustainability are identified: management support, targeted training, motivational mechanisms, and continuous reinforcement. Practical recommendations are proposed for integrating the ADKAR model into management practice to improve the effectiveness and longevity of organizational changes.

Ключевые слова: управление изменениями, модель ADKAR, устойчивость изменений, человеческий фактор, корпоративная культура, мотивация персонала, закрепление изменений, организационная трансформация.

Key words: change management, ADKAR model, change sustainability, human factor, corporate culture, staff motivation, change consolidation, organizational transformation.

Введение. В условиях глобальной конкуренции и ускоряющегося технологического прогресса способность организаций адаптироваться к изменениям и эффективно управлять процессом внедрения инноваций становится важнейшим фактором их устойчивого развития. Проблемы сопротивления изменениям со стороны сотрудников, нехватки навыков и недостаточного понимания целей трансформаций часто приводят к снижению эффективности внедрения стратегий и процессов. В таких условиях возрастающая необходимость в системных подходах к управлению изменениями, таких как модель ADKAR, становится особенно актуальной. Этот инструмент позволяет учитывать человеческий фактор на каждом этапе трансформации, повышая устойчивость изменений в организациях.

Модель ADKAR, предложенная Джеффом Хиаттом в рамках теории управления изменениями, представляет собой инструмент, направленный на улучшение восприятия и внедрения изменений в организациях. Название модели является акронимом, где каждый элемент обозначает отдельный этап процесса изменений: Awareness (осознание необходимости изменений), Desire (желание участвовать в изменениях), Knowledge (знания о том, как проводить изменения), Ability (способность реализовывать изменения) и Reinforcement (закрепление изменений). Модель ADKAR активно используется в современных организациях благодаря ее четкой структуре и ориентированности на персонал, что позволяет учитывать человеческий фактор на каждом этапе процесса изменений [2].

Целью исследования является изучение влияния модели ADKAR на устойчивость изменений в организациях, а также определение факторов, способствующих успешному закреплению изменений в корпоративной культуре и организационной практике.

Задачи исследования:

1. Проанализировать существующие подходы к управлению изменениями и выявить роль модели ADKAR в их контексте.
2. Исследовать влияние каждого элемента модели ADKAR (Awareness, Desire, Knowledge, Ability, Reinforcement) на устойчивость изменений.
3. Определить ключевые факторы, способствующие успешному закреплению изменений в организации.
4. Разработать практические рекомендации по повышению устойчивости изменений с применением модели ADKAR.

Методы исследования. В работе применяются методы систематизации, анализа и логического обоснования. Анализ основан на изучении теоретических подходов к управлению изменениями, исследовании их практического применения и синтезе полученных данных для разработки рекомендаций.

Настоящая работа имеет практическое значение для специалистов в области управления, так как на основе анализа модели ADKAR предлагает решения для повышения устойчивости организационных изменений [3]. Структура статьи включает теоретический обзор, описание методологии исследования, результаты анализа, обсуждение и практические рекомендации [3].

Основная часть. Модель ADKAR является эффективным инструментом для управления изменениями в условиях высокой неопределенности. Она способствует повышению устойчивости организационных изменений за счет учета психологических и мотивационных аспектов на каждом этапе трансформации. Определены ключевые факторы, влияющие на успешное закрепление изменений: поддержка со стороны руководства, обучение сотрудников, создание мотивации и обратной связи. Разработаны рекомендации по интеграции модели ADKAR в процессы управления изменениями для повышения их эффективности и долгосрочной устойчивости.

В условиях глобальной конкуренции и постоянного технологического прогресса способность организаций адаптироваться к изменениям является ключевым фактором для их долгосрочной устойчивости и развития. С учетом высокой скорости изменений и потребности в инновациях, многие компании сталкиваются с проблемой неэффективного внедрения новых стратегий, технологий и процессов [1]. Причинами этого часто становятся сопротивление со стороны сотрудников, недостаточное понимание целей изменений, нехватка навыков для их успешного осуществления и, как следствие, низкий уровень устойчивости к изменениям в долгосрочной перспективе [1].

Устойчивость изменений представляет собой способность организации не только внедрить изменения, но и закрепить их, обеспечив их продолжительное использование и интеграцию в повседневную деятельность [4]. Устойчивость изменений означает, что новые процессы, стратегии и системы будут поддерживаться и совершенствоваться на протяжении длительного времени, несмотря на возможные трудности и сопротивление. На практике устойчивость изменений достигается, когда сотрудники принимают изменения, адаптируются к новым условиям и не возвращаются к прежним практикам [5].

Устойчивость организационных изменений включает несколько аспектов:

1. Психологическая устойчивость сотрудников, которая связана с их готовностью к изменениям, отсутствием страха и поддержкой со стороны руководства.

2. Организационная устойчивость, связанная с процессами и механизмами, которые помогают организации адаптироваться и сохранять изменения.

3. Культурная устойчивость – способность интегрировать изменения в корпоративную культуру, чтобы они стали частью повседневной практики.

Существует множество моделей и подходов к управлению изменениями, разработанных для того, чтобы сделать процесс изменений более предсказуемым и управляемым. Наиболее распространенные модели включают:

1. Модель Левина (Теория трех этапов) – основана на трех этапах: размораживание, изменение, замораживание. Этот процесс предполагает, что для успешного изменения необходимо сначала подготовить людей к изменениям, затем внедрить изменения и, наконец, закрепить их.

2. Модель Коттера – включает восемь этапов управления изменениями, начиная с создания чувства срочности и заканчивая закреплением изменений в корпоративной культуре. Модель Коттера подчеркивает важность лидерства, команды и управления процессом.

3. Модель Питера Сенге (Пятая дисциплина) – рассматривает организацию как обучающуюся систему, которая должна уметь адаптироваться к изменениям и извлекать уроки из прошлого опыта.

Эти и другие модели внесли значительный вклад в управление изменениями, но часто упускают из вида человеческий фактор, что может стать причиной сопротивления сотрудников и снизить устойчивость изменений. В этом контексте модель ADKAR предлагает более персонализированный подход.

4. Модель ADKAR, предложенная Джеффом Хиаатом, представляет собой ориентированную на персонал методологию, которая учитывает индивидуальную реакцию каждого сотрудника на изменения. Модель построена таким образом, чтобы помочь людям понять свои роли и ожидания на каждом этапе процесса изменений, что повышает шансы на успешное закрепление изменений. [7]

Этапы модели ADKAR:

– Awareness (Осознание необходимости изменений) – на этом этапе сотрудники должны осознать, почему изменения необходимы, какие цели они преследуют и как они могут повлиять на организацию и на каждого сотрудника.

– Desire (Желание участвовать в изменениях) – создание внутреннего желания и мотивации у сотрудников для участия в изменениях. Важную роль здесь играют факторы мотивации, признание и лидерская поддержка.

– Knowledge (Знания о том, как проводить изменения) – обучение и передача знаний, необходимых для успешного внедрения изменений. Это может включать обучение новым навыкам, инструктаж и консультации.

– Ability (Способность реализовывать изменения) – после получения знаний сотрудники должны обладать необходимыми ресурсами и способностями, чтобы эффективно применить новые навыки в работе.

– Reinforcement (Закрепление изменений) – для достижения устойчивости необходимо закрепить изменения, обеспечив постоянную поддержку, обратную связь и поощрение для тех, кто успешно применяет новые методы и процессы.

Модель ADKAR выгодно отличается от других подходов своей гибкостью и фокусом на персонализированном подходе к изменениям, который учитывает психологические и мотивационные аспекты. Она позволяет не только успешно внедрять изменения, но и закреплять их на уровне отдельных сотрудников, команд и организации в целом. [8]

Модель ADKAR не только помогает в организации изменений, но и способствует их устойчивости, повышая вероятность того, что изменения будут приняты, поддержаны и продолжаться в долгосрочной перспективе. [9] Каждый этап модели направлен на решение конкретных проблем, которые могут возникнуть при управлении изменениями: сопротивление, недостаток мотивации, нехватка навыков и знаний, возвращение к старым практикам. Модель ADKAR также подчеркивает важность закрепления изменений, что делает ее эффективным инструментом для повышения устойчивости изменений. [10]

Выводы. Модель ADKAR выступает не только как инструмент для управления изменениями, но и как метод повышения устойчивости организации к изменениям. Ее концепция и подход ориентированы на создание прочного фундамента для долговременных преобразований, что особенно важно в условиях постоянной турбулентности и изменений в бизнес-среде.

Список использованной литературы:

1. Кашина А.А., Малкина М.А. Модель ADKAR как технология управления изменениями // В сборнике: Конкурентоспособность территорий. Материалы XXV Всероссийского экономического форума молодых ученых и студентов . Отв. за выпуск: Я.П. Силин, В.Е. Ковалев. Екатеринбург. – 2022. – С. 188-190. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49471876> (дата обращения: 11.11.2024).

2. Варнина М.О. Методы управления организационными изменениями // Молодой ученый. – 2024. – № 6 (505). – С. 95-97.

3. Груздев К.Э. Современные тенденции управления организационными изменениями в организациях // Вестник Московской международной академии. – 2023. – № 1. – С. 188-191. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-upravleniya-organizatsionnymi-izmeneniyami-v-organizatsiyah> (дата обращения: 11.11.2024).

4. Шахов О.Ю., Ахметова А.Э. Анализ ключевых проблем управления изменениями в организации при сравнении двух моделей управления // Наука настоящего и будущего. – 2023. – Т. 3. – С. 46-49. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-modeley-upravleniya-organizatsionnymi-izmeneniyami-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 11.11.2024).

5. Ручкин А.В., Юрченко Н.А. Управление изменениями в высшем учебном заведении: проектный подход // В сборнике: Образование на современном этапе: тренды, инновации, перспективы. Екатеринбург. – 2023. – С. 109-111. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://mkgtu.ru/vikon/sveden/files/Upravlenie_izmeneniyami\(14\).pdf](https://mkgtu.ru/vikon/sveden/files/Upravlenie_izmeneniyami(14).pdf) (дата обращения: 11.11.2024).

6. Гиносян К.А., Атабекян Д.Э. Современные модели управления изменениями и особенности их внедрения в организацию // В сборнике: Шестнадцатая годовичная научная конференция. Сборник научных статей конференции, приуроченной к 25-летию основания РАУ. Ереван. – 2023. – С. 261-266. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-modeli-upravleniya-izmeneniyami-i-osobennosti-ih-vnedreniya-v-organizatsiyu> (дата обращения: 11.11.2024).

7. Зазыгин С.П. Алгоритмы управления изменениями в организации // E-Scio. – 2021. – № 3 (54). – С. 393-400. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-scio.ru/?p=13480> (дата обращения: 11.11.2024).

8. Полевая М.В., Храмова Е.В. Практический аспект оценки эффективности постпроектных изменений // Самоуправление. – 2021. – № 5 (127). – С. 346-350. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46968285> (дата обращения: 11.11.2024).

9. Дзюбинский В.А. Сравнительный анализ моделей управления изменениями на предприятии // В сборнике: Инновационные технологии в управлении. сборник научных статей. Москва. – 2017. – С. 273-277. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-sovremennyh-modeley-upravleniya-predpriyatiem> (дата обращения: 11.11.2024).

10. Виноградская О.В. Организационные изменения как фактор повышения конкурентоспособности организации // В сборнике: Современные проблемы горно-металлургического комплекса. Наука и производство. Сборник материалов Пятнадцатой Всероссийской научно-практической конференции. Ред.кол. Ю.И. Еременко, Е.В. Ильичева, Л.Н. Крахт, А.А. Кожухов, А.В. Макаров, М.С. Демьяненко. – 2018. – С. 451-456. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnye-izmeneniya-kak-osnovopovysheniya-konkurentosposobnosti-promyshlennyh-predpriyatiy-rf.pdf> (дата обращения: 11.11.2024).

УДК 336.71

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Инюшина Наталья Анатольевна,
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации, г. Тула*

E-mail: iniushina.1@mail.ru

*Научный руководитель: Балашев Николай Борисович,
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации, г. Тула*

E-mail: balashevnb@mail.ru

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ современного состояния банковской системы Российской Федерации, выявляются ключевые тенденции её развития и системные проблемы. Исследуется институциональная структура банковской системы, включая роль Банка России как мегарегулятора и функции коммерческих банков и небанковских кредитных организаций. Особое внимание уделяется процессам концентрации и санации в банковском секторе, динамике финансовых результатов деятельности кредитных организаций, а также влиянию ключевой ставки на денежно-кредитную политику. В работе оцениваются сильные стороны банковской системы, такие как рост капитализации, повышение ликвидности и активная цифровизация, а также системные проблемы, включая зависимость от сырьевой конъюнктуры, региональную неравномерность, дефицит долгосрочного кредитования и киберриски. На основе проведённого анализа предложены направления совершенствования банковской системы, направленные на диверсификацию бизнес-моделей, углубление цифровой трансформации, расширение возможностей долгосрочного кредитования и повышение финансовой грамотности.

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the current state of the banking system of the Russian Federation, identifies key trends in its development and systemic problems. The paper examines the institutional structure of the banking system, including the role of the Bank of Russia as a mega-regulator and the functions of commercial banks and non-bank credit organizations. Special attention is paid to the processes of concentration and rehabilitation in the banking sector, the dynamics of financial performance of credit institutions, as well as the impact of the key interest rate on monetary policy. The paper evaluates the strengths of the banking system, such as capitalization growth, increased liquidity and active digitalization, as well as systemic problems, including dependence on commodity conditions, regional unevenness, a shortage of long-term loans and cyber risks. Based on the analysis, the directions for improving the banking system are proposed, aimed at diversifying business models, deepening digital transformation, expanding long-term lending opportunities and improving financial literacy.

Ключевые слова: банковская система России, Центральный банк РФ, коммерческие банки, небанковские кредитные организации, ключевая ставка, финансовая стабильность, концентрация банковского сектора, цифровизация, банковские риски, денежно-кредитная политика.

Key words: Russian banking system, Central Bank of the Russian Federation, commercial banks, non-bank credit organizations, key interest rate, financial stability, concentration of the banking sector, digitalization, banking risks, monetary policy.

Введение. Актуальность. Банковская система Российской Федерации представляет собой критически важный элемент финансовой инфраструктуры государства, во многом определяющий возможности экономического роста и обеспечения финансовой стабильности. В условиях современных геополитических вызовов, структурной трансформации экономики и стремительной цифровизации финансовых услуг актуальность комплексного исследования состояния банковского сектора существенно возрастает. Необходимость адаптации к новым реалиям, сохранения устойчивости и одновременно обеспечения доступности кредитных ресурсов для реального сектора экономики обуславливает потребность в выработке сбалансированных мер по совершенствованию функционирования банковской системы.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ современного состояния банковской системы России, выявление ключевых проблем и разработка практических рекомендаций по ее дальнейшему развитию.

Основная часть. Современные финансовые учреждения образуют целостную банковскую систему благодаря тесному функциональному взаимодействию. [4, с. 18]. В соответствии с законодательством в банковскую систему РФ включаются: Банк России, кредитные организации и представительства иностранных банков [1].

В Российской Федерации, как и в большинстве стран мира, сформировалась двухуровневая модель банковской системы, которая включает в себя: Центральный Банк РФ и коммерческие банки и небанковские кредитные организации (НКО).

ЦБ РФ выступает в роли мегарегулятора, главного органа денежно-кредитного регулирования и ядра всей системы. Центральные банки осуществляют свою деятельность на основе специального закона о центральном банке, в котором прописаны его статус, цели и задачи деятельности, функции, взаимоотношения с другими органами власти, порядок формирования его руководящих органов и персоналий и др. [5, с. 370].

Его деятельность носит надзорный, контрольный и эмиссионный характер. Согласно законодательству [2] к его целям относятся: защита и обеспечение устойчивости рубля; развитие и укрепление банковской системы Российской Федерации; обеспечение стабильности и развитие национальной платежной системы; развитие финансового рынка Российской Федерации; обеспечение стабильности финансового рынка Российской Федерации.

Для достижения поставленных целей центральный банки определяют конкретные задачи и выполняют установленные законом виды деятельности, которые называются функциями [6, с. 81].

Второй уровень банковской системы представляет собой совокупность институтов, которые непосредственно организуют взаимодействие между субъектами экономики, аккумулируя свободные средства и трансформируя их в кредиты. Именно они являются основными посредниками на финансовом рынке.

Коммерческие банки – кредитные учреждения универсального характера, которые производят кредитные, фондовые, посреднические операции, осуществляют расчет и организуют платежный оборот в масштабе всего народного хозяйства [3, с. 135].

Небанковские кредитные организации (НКО) – это кредитные организации, имеющие право осуществлять отдельные банковские операции, допустимое сочетание которых устанавливается Банком России. В отличие от банков, они не могут работать с вкладами населения.

Таким образом, двухуровневая банковская система России представляет собой сложный, иерархически организованный механизм, где Центральный банк обеспечивает нормативные рамки и стабильность, а коммерческие банки и НКО, действуя в этих рамках, непосредственно предоставляют финансовые услуги, обеспечивая кругооборот капитала в экономике.

Банковская система Российской Федерации выполняет ряд системообразующих функций, определяющих ее ключевую роль в обеспечении устойчивого развития национальной экономики. Важнейшей из них является функция аккумуляции (мобилизации) временно свободных денежных средств хозяйствующих субъектов и населения и их последующая трансформация в кредиты и инвестиции. Преобразуя сбережения в производительный капитал, банки выступают финансовыми посредниками, обеспечивающими перераспределение ресурсов от тех, кто имеет их избыток, к тем, кто испытывает в них потребность для реализации инвестиционных проектов, расширения производства или потребительского спроса. Этот процесс напрямую способствует увеличению объема инвестиций в реальный сектор экономики, созданию новых рабочих мест и, как следствие, стимулированию экономического роста.

Не менее значимой является функция обеспечения бесперебойного функционирования системы расчетов и платежей. Банки выступают техническими организаторами и операторами платежного оборота, без которого невозможно осуществление ни одной хозяйственной операции. От эффективности и надежности национальной платежной системы, находящейся под надзором Банка России, зависит скорость и стоимость совершения расчетов как внутри страны, так и в международной торговле, что является критически важным фактором для интеграции России в глобальную экономику.

Центральное место в современной экономике занимает роль банковской системы как проводника денежно-кредитной политики государства. Банк России, используя такие инструменты, как ключевая ставка, нормативы обязательных резервов и операции на открытом рынке, воздействует на стоимость кредитных ресурсов и объем денежной массы в обращении. Через передаточный механизм, в котором коммерческие банки играют ключевую роль, эти меры влияют на уровень инфляции, деловую активность и, в конечном итоге, на макроэкономическую стабильность.

Основной целью банковской деятельности является процесс устойчивого функционирования банков, снижение вероятности появления угроз и рисков, повышение качества реализации функций по накоплению денежных средств населения, повышение уровня доверия к банковскому сектору, а также предотвращение использования кредитных организаций в недобросовестной деятельности. [7] Достижение этой цели является фундаментом для выполнения системой своей роли. Устойчивость и надежность кредитных организаций формируют доверие населения и бизнеса, что является необходимым условием для привлечения долгосрочных депозитов и, соответственно, для предоставления долгосрочных кредитов. Повышение уровня доверия непосредственно сказывается на финансовой стабильности, снижая риски банковских паник и оттока вкладов. В конечном счете, именно через доверие реализуется способность системы эффективно накапливать и трансформировать сбережения, направляя их на цели развития экономики, обеспечивая тем самым ее устойчивый и сбалансированный рост.

Современное состояние банковской системы Российской Федерации представляет собой результат целенаправленной политики мегарегулятора и адаптации к изменяющимся макроэкономическим условиям. Наиболее заметной тенденцией последнего десятилетия стало радикальное сокращение количества кредитных организаций при одновременном росте концентрации активов (рис. 1). Число кредитных организаций снизилось к 2025 году до 353, тогда как в январе 2010 года их количество составляло 1058 [8]. Этот процесс обусловлен комплексом взаимосвязанных факторов, среди которых ключевую роль сыграла последовательная политика Банка России по очищению банковского сектора от финансово неустойчивых и недобросовестных участников. Активное отзыв лицензий у банков, нарушающих требования законодательства и нормативы, сочеталось с механизмом санации системно значимых кредитных организаций через Фонд консолидации банковского сектора. Параллельно происходило ужесточение пруденциальных требований к капиталу, корпоративному управлению и риск-менеджменту, что повысило операционные издержки и сделало нежизнеспособными бизнес-модели небольших банков. Рыночная конкуренция также способствовала консолидации, поскольку крупные игроки обладали преимуществами масштаба и могли инвестировать в цифровые технологии. В результате сформировалась высококонцентрированная система с доминированием государственно-частных банков, характеризующаяся повышенной устойчивостью и управляемостью, но одновременно снижающая уровень конкурентного разнообразия.

Финансовые результаты деятельности банковского сектора демонстрируют впечатляющую динамику восстановления после шоков 2022 года. Совокупная прибыль российских банков по итогам 2024 года достигла исторического максимума, превысив 3,8 трлн рублей, что стало следствием адаптации к новым условиям и грамотной политики управления [8]. Структура доходов кредитных организаций претерпела значительные изменения: сохраняя доминирующую роль процентных доходов, отмечается устойчивый рост доли непроцентных доходов, связанных с комиссионным бизнесом, операциями на финансовых

рынках и оказанием сопутствующих услуг. Высокая прибыльность позволила банкам значительно укрепить капитальную базу, сформировать дополнительные буферы на покрытие кредитных рисков и провести реинвестирование в технологическое развитие. Однако эта ситуация имеет и обратную сторону: сохранение высокой маржинальности кредитных операций может ограничивать доступность заемных средств для реального сектора экономики, особенно для малых и средних предприятий, создавая тем самым структурный дисбаланс между финансовым и производственным секторами.

Рис. 1 Число кредитных организаций в РФ

Ключевым инструментом регулирования ситуации в банковском секторе и экономике в целом выступает ключевая ставка Банка России. Ее значение, устанавливаемое Советом директоров ЦБ РФ, определяет стоимость краткосрочной ликвидности для коммерческих банков и служит ориентиром для всей системы процентных ставок в экономике. Повышение ключевой ставки ведет к удорожанию ресурсной базы кредитных организаций, что вынуждает их повышать ставки по кредитам и депозитам для юридических и физических лиц. Это сдерживает кредитную активность, снижает деловую активность и потребление, что в конечном итоге способствует снижению инфляционного давления. Напротив, снижение ключевой ставки стимулирует кредитную экспансию и экономический рост. Изменение ключевой ставки за последние 10 лет наглядно демонстрирует эволюцию подходов Банка России к денежно-кредитной политике и его реакцию на вызовы различной природы (рис. 2). В условиях шокового всплеска инфляции в 2022 году Банк России оперативно повысил ключевую ставку до 20% годовых, что позволило стабилизировать ситуацию на валютном рынке, предотвратить массовый отток вкладов и создать

условия для последующего снижения инфляции. По мере нормализации макроэкономической обстановки ключевая ставка постепенно снижалась, демонстрируя гибкость и эффективность монетарной политики. Помимо влияния на инфляцию и кредитную активность, ключевая ставка оказывает значительное воздействие на курс национальной валюты через механизм процентного паритета и влияния на привлекательность рублевых активов для инвесторов. Таким образом, умелое использование данного инструмента позволяет Банку России одновременно решать несколько задач: обеспечивать ценовую стабильность, поддерживать финансовую стабильность и способствовать сбалансированному экономическому росту.

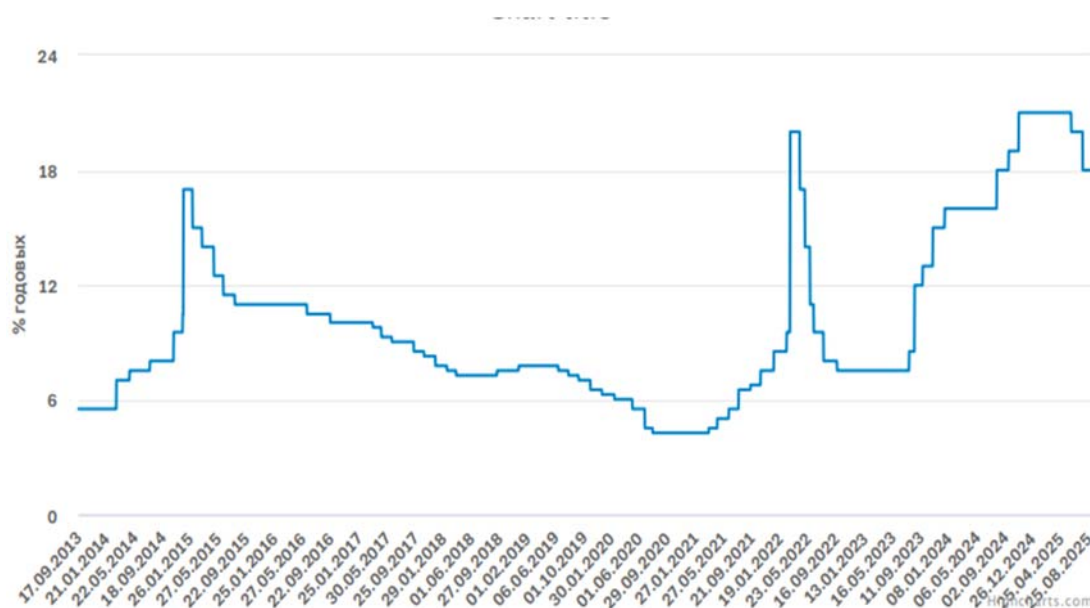

Рис. 2 Ключевая ставка в РФ.

Проведенный анализ современного состояния банковской системы Российской Федерации позволяет сделать вывод о ее существенной качественной трансформации в сторону повышения устойчивости, капитализации и управляемости. Неоспоримым достижением проведенной за последнее десятилетие политики мегарегулятора является значительное укрепление финансовой стабильности сектора. Система демонстрирует возрастающую мощь, что подтверждается рекордными показателями капитала и прибыли, а также созданием солидных буферов, позволяющих абсорбировать потенциальные шоки. К числу ключевых сильных сторон следует отнести беспрецедентный рост капитализации, который обеспечивает способность банковского сектора финансировать крупные проекты и выдерживать экономические потрясения. Существенно повысился уровень ликвидности, что минимизирует риски классических банковских паник и обеспечивает бесперебойное функционирование платежного оборота. Активная и успешная цифровизация финансовых услуг вывела российский банковский сектор на лидирующие позиции в мире по уровню проникновения дистанционного обслуживания, повысив доступность услуг для населения и эффективность

самых кредитных организаций.

Однако, наряду с очевидными достижениями, в структуре банковской системы сохраняется ряд глубоких системных проблем и уязвимостей. Наиболее фундаментальной из них остается высокая зависимость от конъюнктуры сырьевых секторов экономики. Доходы банков, объемы кредитования и качество кредитных портфелей в значительной степени коррелируют с динамикой цен на энергоносители, что создает циклическую волатильность и зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры. Серьезной структурной проблемой является сохраняющаяся региональная неравномерность размещения банковских активов и отделений. Финансовые услуги и кредитные ресурсы сконцентрированы преимущественно в крупных мегаполисах и экономических центрах, в то время как во многих регионах наблюдается дефицит качественного банковского обслуживания и ограниченный доступ к кредитным ресурсам для малого бизнеса и населения. Явно выражена проблема ограниченности долгосрочного кредитования, особенно в части инвестиционных кредитов на реализацию масштабных инфраструктурных и промышленных проектов. Нехватка «длинных денег» в экономике сдерживает процессы модернизации и диверсификации, несмотря на высокую ликвидность банков в краткосрочном сегменте.

В современных условиях на первый план выходят новые вызовы, связанные с цифровой трансформацией. Киберриски приобрели качественно новый характер, представляя прямую угрозу финансовой стабильности. Массовые компьютерные атаки, мошенничество с использованием социальной инженерии и утечки данных подрывают доверие к финансовым институтам и требуют колоссальных затрат на создание систем кибербезопасности. Наконец, беспрецедентное санкционное давление оказало многоплановое воздействие на банковскую систему, отрезав значительную часть российских банков от международных финансовых рынков и расчетных систем. Это потребовало экстренной перестройки логистических цепочек, международных расчетов и управления резервами, создав дополнительные операционные издержки и риски. Таким образом, несмотря на впечатляющий прогресс в укреплении финансовой устойчивости, банковская система России продолжает сталкиваться с комплексом структурных и конъюнктурных проблем, требующих выработки продуманных и сбалансированных мер со стороны мегарегулятора и самих кредитных организаций.

Для решения выявленных системных проблем и усиления конкурентных преимуществ российской банковской системы необходим комплекс мер, направленных на диверсификацию бизнес-моделей, углубление цифровой трансформации и расширение возможностей долгосрочного кредитования. Первоочередной задачей является стимулирование развития специализированных банков и небанковских кредитных институтов, способных заполнить нишевые сегменты рынка, недостаточно охваченные универсальными банками. Речь идет о создании благоприятных регуляторных условий для банков, ориентированных на обслуживание малого и среднего бизнеса, аграрного сектора, ипотечного кредитования, а также микрофинансовых организаций,

работающих с населением, имеющим ограниченный доступ к традиционным банковским услугам. Дифференциация пруденциальных требований с учетом специфики бизнес-моделей и риск-профилей таких организаций позволит повысить уровень конкурентного разнообразия на финансовом рынке без ущерба для общей финансовой стабильности.

Углубление цифровой трансформации должно стать ключевым элементом стратегии развития банковской системы, направленной на повышение эффективности, снижение издержек и противодействие новым вызовам кибербезопасности. Необходимо стимулировать инвестиции банков во внедрение передовых технологий, включая искусственный интеллект для анализа больших данных и оценки кредитных рисков, распределенные реестры (blockchain) для повышения прозрачности и скорости расчетов, а также биометрические технологии для усиления аутентификации клиентов. Одновременно требуется развитие нормативной базы в области регулирования FinTech и BigData, обеспечивающей баланс между стимулированием инноваций и управлением сопутствующими рисками. Особое внимание должно быть уделено созданию единой отраслевой системы кибербезопасности, включающей обмен информацией об угрозах, проведение регулярных учений по отработке действий при кибератаках и внедрение обязательных стандартов защиты критической информационной инфраструктуры.

Диверсификация фондирования и расширение инвестиционного кредитования требуют развития отечественного финансового рынка как альтернативного источника долгосрочных ресурсов. Стимулирование развития рынка корпоративных облигаций, включая выпуск инфраструктурных облигаций с государственными гарантиями, позволит привлечь средства институциональных инвесторов, включая пенсионные фонды и страховые компании, для финансирования крупных проектов. Важным направлением является развитие механизмов проектного финансирования и государственно-частного партнерства, позволяющих распределять риски между банками, государством и частными инвесторами. Для увеличения объемов долгосрочного кредитования необходимо также создание стимулов для привлечения средств населения в долгосрочные инструменты сбережения, такие как индивидуальные инвестиционные счета и долгосрочные депозиты, защищенные механизмами страхования.

Повышение финансовой грамотности и защита прав потребителей являются критически важными элементами укрепления доверия к банковской системе. Необходима реализация комплексных образовательных программ, направленных на различные возрастные и социальные группы населения, с акцентом на навыки распознавания мошеннических схем, планирования личных финансов и ответственного заимствования. Совершенствование механизмов защиты прав потребителей должно включать упрощение процедур рассмотрения жалоб, внедрение стандартов прозрачности и понятности договоров, а также развитие системы досудебного урегулирования споров. Формирование культуры финансовой ответственности и повышение уровня информированности клиентов будут способствовать снижению рисков как для потребителей услуг, так и для

самых кредитных организаций, создавая основу для устойчивого развития банковского сектора в долгосрочной перспективе.

Выводы. Проведенное исследование современного состояния банковской системы Российской Федерации позволяет констатировать ее качественную трансформацию в направлении повышения финансовой устойчивости, капитализации и управляемости. Достигнутые результаты, выраженные в рекордных показателях прибыли, создании надежных буферов капитала и успешной цифровизации услуг, свидетельствуют о возросшей мощи и адаптационном потенциале сектора. Вместе с тем, в структуре системы сохраняются глубокие системные проблемы, связанные с зависимостью от сырьевой конъюнктуры, региональной неравномерностью развития, дефицитом долгосрочного кредитования, а также новыми вызовами кибербезопасности и санкционного давления.

Предложенные направления совершенствования банковской системы – стимулирование развития специализированных институтов, углубление цифровой трансформации, диверсификация фондирования и повышение финансовой грамотности – образуют комплекс взаимодополняющих мер, направленных на обеспечение сбалансированного развития сектора. Реализация этих мер позволит не только минимизировать существующие риски, но и создать основу для перехода к новой модели роста, характеризующейся повышенной устойчивостью, широкой доступностью и способностью эффективно выполнять свои макроэкономические функции в условиях структурной трансформации экономики.

Дальнейшее развитие банковской системы России должно базироваться на принципах пропорционального регулирования, обеспечивающего баланс между финансовой стабильностью, конкурентным разнообразием и стимулированием инноваций. Успешная реализация этой задачи потребует скоординированных усилий со стороны Банка России, органов государственной власти и самих кредитных организаций. Достижение поставленных целей позволит банковскому сектору не только усилить свою роль в финансировании экономического роста, но и стать ключевым элементом в процессе диверсификации национальной экономики и обеспечения ее долгосрочной конкурентоспособности на глобальной арене.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон "О банках и банковской деятельности" от 02.12.1990 N 395-1 (последняя редакция) (дата обращения: 06.09.2025)
2. Федеральный закон "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)" от 10.07.2002 N 86-ФЗ (последняя редакция) (дата обращения: 05.09.2025)
3. Банки и банковское дело : учебник и практикум для вузов // под редакцией В. А. Боровковой. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 606 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5–534-16818-1. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 135 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/568557/p.135> (дата обращения: 07.09.2025).

4. Банковское право. Публично-правовое регулирование : учебник для вузов // Т. Э. Рождественская, А. Г. Гузнов. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 272 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-20593-0. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/558436/p.18> (дата обращения: 05.09.2025).

5. Деньги, кредит, банки : учебник и практикум для вузов // под редакцией В. Ю. Катасонова, В. П. Биткова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 519 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-16120-5. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 370 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/559827/p.370> (дата обращения: 06.09.2025).

6. Национальные банковские системы : учебник и практикум для вузов // под редакцией В. П. Биткова, В. Ю. Катасонова. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 193 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-17252-2. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 81 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/568623/p.81> (дата обращения: 05.09.2025).

7. Витанова П.П. Роль банковской системы в обеспечении экономической безопасности // Научные междисциплинарные исследования. 2021. №3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-bankovskoy-sistemy-v-obespechenii-ekonomicheskoy-bezopasnosti-1> (дата обращения: 07.09.2025).

8. «Центральный банк Российской Федерации : офиц. сайт. – Москва [Электронный ресурс]. – Режим доступа: cbr.ru (дата обращения: 08.09.2025)

УДК 33

**АВТОМОБИЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
В СТРАНАХ США И РОССИИ**

Платонова Дарья Олеговна,
Попова Кира Дмитриевна,
Волгоградский институт управления – филиал
РАНХиГС РФ, г. Волгоград

E-mail: popovakira777@mail.ru

Аннотация. Автомобильная промышленность играет важную роль в экономике обеих стран, влияя на индустриальное развитие и занятость. Переход к углеродно-нейтральным технологиям, развитие электромобилей и цифровизация подчеркивают необходимость анализа стратегий обеих стран. США сохраняют лидерство в технологических инновациях. Российский автопром сталкивается с устаревшими технологиями и нехваткой инвестиций, но стремится к модернизации.

Abstract. The automotive industry plays an important role in both countries' economies, influencing industrial development and employment. The transition to carbon-neutral technologies, the development of electric vehicles, and digitalization highlight the need to analyze the strategies of both countries. The United States maintains its leadership in technological innovation. The Russian automotive industry faces outdated technologies and a lack of investment, but it is committed to modernization.

Ключевые слова: сравнительный анализ автомобильных предприятий, автомобильная промышленность США, автомобильная промышленность России, исследование, правовые акты.

Key words: comparative analysis of automotive enterprises, US automotive industry, Russian automotive industry, research, legal acts.

Введение. Актуальность. Автомобильная промышленность представляет собой важнейший сектор экономики (economic sector) как России, так и США, оказывая значительное влияние на индустриальное развитие, занятость населения и технологические инновации.

Российский автопром сегодня находится на этапе глубокой трансформации, которую во многом определяют внутренние экономические и политические изменения. Несмотря на присутствие на рынке гигантов вроде АвтоВАЗа, КАМАЗа и ГАЗа, отрасль продолжает сталкиваться с вызовами. Среди них – морально устаревшие производственные линии и сравнительно скромные инвестиции в научные изыскания. Однако новый тренд на развитие электромобилей и гибридных моделей набирает обороты, и этот фактор становится ключевым при проведении параллелей между двумя странами.

США долгое время были впереди всех в автомобильных технологиях, особенно в развитии электрокаров, цифровых технологий и автоматизации

(digital technologies and automation) на заводах. Сейчас у американского авторынка есть свои сложности, например, меняются вкусы покупателей и становятся строже требования к защите окружающей среды.

Таким образом, обоснование выбора темы исследования обусловлено как значимостью автомобильной отрасли для обеих стран, так и потенциальными и реальными изменениями в ней, вызванными глобальными трендами. Сравнительный анализ позволит выявить ключевые аспекты, которые могут быть использованы для разработки стратегий, нацеленных на улучшение позиций отечественных автопроизводителей на мировом рынке и создание устойчивой экосистемы для автомобильного бизнеса в России и США [8].

Основная часть. Подбор и описание источников данных. Чтобы понять, как устроена автомобильная промышленность (automotive industry) в России и США, мы изучили различную информацию: от статистики и законов до разнообразных исследований.

Исследование базировалось на изучении официальных данных. По США мы опирались на отчеты Бюро транспортной статистики – главного органа, отвечающего за транспортную сферу. Российская статистика была почерпнута из отчетов Росстата и Минпромторга, которые дают представление о объемах производства и продаж авто.

Немаловажным этапом стал разбор законодательной базы, определяющей правила игры в автопроме. Особый интерес представляло то, как именно государство поддерживает производителей, стимулируя их развитие. Это позволяет наглядно увидеть связь между изменениями в законах и переменами в отрасли, включая укрепление позиций местных компаний.

Дополнительно мы проанализировали специализированную прессу – издания «Автопартнер» и MotorTrend. Они стали ценным источником оперативных новостей, тест-драйвов и подробных характеристик новых автомобилей. Благодаря такому многоуровневому подходу удалось провести комплексный анализ, рассмотрев рынок и в деталях, и в целом, и дать взвешенную оценку автопрому России и США [9].

В итоге, благодаря использованию данных из множества источников, нам удалось собрать комплексный набор информации, который стал основой для проведения анализа и сравнительного исследования автомобильной отрасли двух стран [4].

Анализ автомобильных компаний России и США. Осуществленный нами анализ автомобильных компаний России и США показал множество важных аспектов, характеризующих современные направления и конкурентоспособность предприятий.

Начнем с General Motors (GM), одного из самых известных автопроизводителей в мире. General Motors принадлежат автомобильные марки: Buick, Cadillac, Chevrolet и GMC. Ранее выпускались также Oldsmobile, Pontiac, Hummer, Saturn и другие. По данным на 2024 год, оборот компании – 187,44 млрд долларов, операционная прибыль – 23,71 млрд долларов, чистая прибыль – 6 млрд долларов. Ключевые достижения General Motors (GM) в автомобильной отрасли в 2024 году:

Запуск гиперкара Corvette ZR1. Автомобиль оснащён двигателем мощностью 1064 лошадиные силы и способен разогнаться до 375 км/ч, что сделало его самым быстрым автомобилем, произведённым в США.

Прорыв в сегменте электромобилей. Chevrolet Equinox EV стал лидером продаж, а модели Chevrolet Blazer EV и Cadillac Lyriq продемонстрировали значительное увеличение продаж [13].

Масштабы деятельности и влияние General Motors подтверждает тезис, который когда-то сформулировал Барак Обама: *«These are the multinationals, like General Motors and Nestle; these are the big industrial groups that weigh, on the monetary scale, much more than big countries like Egypt»* [14].

С момента своего основания философия Ford была сфокусирована на более высоких целях, нежели просто извлечение прибыли. Основатель компании Генри Форд как-то заявил: *«A business that makes nothing but money is a poor kind of business»*. Эта цитата, широко известная по его автобиографической книге «Моя жизнь и работа», иллюстрирует глубокое убеждение в том, что бизнес должен приносить общественную пользу. Данный принцип, связывающий богатое наследие с необходимостью инноваций, остается актуальным для бренда и в наши дни [15]. Современная структура Ford включает производство легковых и коммерческих автомобилей под брендами Ford и Lincoln, а её операции разделены по географическому принципу на три ключевых региона: Северную Америку, Азиатско-Тихоокеанский регион и Европу. Одним из знаковых событий стало заявление компании о планах запуска на 2025 год «Универсальной платформы для электромобилей» (Universal EV Platform). Эта модульная архитектура заложит основу для будущего поколения электрокаров марки [12].

В свою очередь, миссия Tesla выходит далеко за рамки автомобильного рынка. Илон Маск позиционирует свою компанию как катализатор глобального перехода на устойчивую энергетику. Как он сам подчеркивает, *«The overarching purpose of Tesla is to help accelerate the advent of sustainable energy. ... It's the only way forward for humanity»* [11]. Таким образом, если Ford эволюционирует, опираясь на свою историю, то Tesla изначально создавалась как инструмент для революционных изменений. Tesla – американская компания в сфере автомобилестроения, производитель электромобилей, зарядных станций, солнечных батарей и систем для накопления электроэнергии. В 2022 году Tesla продемонстрировала рост продаж более чем на 50% благодаря быстрому внедрению новых технологий и обновлений. За 2024 год выручка – 97,69 млрд долларов, чистая прибыль – 7,09 млрд долларов. В 2024 году компания произвела около 1,773 млн автомобилей и поставила 1,789 млн автомобилей [10].

Перейдем к российским автокомпаниям. АвтоВАЗ, вероятно, самая известная из них, выпускает Lada и другие автомобили. Но сейчас им нелегко противостоять иностранным маркам. При этом, АвтоВАЗ пытается обновить Lada и намерен начать делать свои электрокары в ближайшие годы. 18 июня 2025 года во время ПМЭФ-2025 «АВТОВАЗ», выступающий в статусе национального партнёра форума, провел мировую премьеру своего первого кроссовера Lada собственной разработки, показал ещё одну новинку, а также модель Lada Iskra [6].

КамАЗ, выдающийся производитель грузовиков, также не отстает в вопросах технологического развития. Компания активно реализует проекты по производству электрических грузовиков и автобусов, адаптируя своё производство к новым требованиям рынка. В 2025 году «КАМАЗ» планирует представить несколько новых моделей поколения K5, которые будут отличаться улучшенными техническими характеристиками и потребительскими качествами [2].

Горьковский автозавод (ГАЗ) – крупнейший в России производитель коммерческого транспорта. Предприятие идёт в тренде глобальных тенденций автопрома: цифровизации транспорта, интеллектуальных систем управления автомобилем, электротранспорта. В 2025 году сообщалось, что на новые автомобили ГАЗ начали устанавливать подушки безопасности, улучшенную «ЭРА-ГЛОНАСС» и систему курсовой устойчивости. Также стартовали продажи новой версии «Соболь NN 4×4» и «Газель NN 4×4» 2025 года [3].

Ключевые различия и сходства. В результате проведенного анализа автомобильной промышленности (automotive industry) США и России были выявлены как ключевые различия, так и сходства, которые имеют значительное влияние на состояние и развитие отрасли в обеих странах. Такие аспекты, как структура компаний, уровень технологического развития, а также влияние государственных программ и экономических факторов, играют важную роль в формировании рыночной ситуации.

Одним из основных различий является степень государственной поддержки автомобильной промышленности. В США поддержка автопроизводителей осуществляется в рамках различных программ, направленных на развитие технологий, особенно в области экологически чистых автомобилей. Примеры таких инициатив включают кредитные программы для покупателей электромобилей, налоговые льготы для производителя и инвестиции в развитие зарядной инфраструктуры (development of charging infrastructure). Эти меры способствовали быстрому развитию рынка электромобилей, что, в свою очередь, положительно сказывается на конкурентоспособности таких компаний, как Tesla и Ford [1].

В России это государственное вмешательство имеет несколько иную форму. Правительственное содействие нацелено больше на поддержание существующих производителей, таких как АвтоВАЗ и КамАЗ. В последнее время запустили несколько программ, чтобы помочь заводам обновить оборудование и перейти на новые технологии. Но вот в науку и разработки вкладывают пока немного, и это плохо сказывается на том, как наши автокомпании могут придумывать что-то новое и оставаться на рынке надолго. По этой причине русский автопром «не успевает» за американским, где выделяется больше средств на исследования [5].

Заметим, что все автокомпании сейчас в одинаковой ситуации из-за того, что покупатели хотят другие машины. Всем необходимы экологичные автомобили с малым потреблением бензина – это подталкивает производителей переделывать свои автомобили. В Америке, например General Motors и Ford, интенсивно производят электрокары (electric cars). Российский автопром тоже начинает выпускать что-то подобное, но медленнее.

Экономический аспект тоже важен. В США специалистов больше, поэтому у них все получается быстрее и качественнее. А вот у нас с этим проблема: не хватает профессиональных инженеров. Из-за этого сложнее придумывать что-то новое и современных решений маловато [7].

Таким образом, сравнение автопромов США и России, показывает, что на развитие компаний и их способность конкурировать влияет много факторов. Политика государства важна, как и экономика в целом. Все это заставляет автопроизводителей постоянно думать о дальнейшем развитии. Эти аспекты важно учитывать при дальнейшем анализе и разработке рекомендаций для повышения эффективности и инвестиционной привлекательности автомобильной отрасли в обеих странах.

Выводы. Подведем итоги сравнительного анализа автомобильной промышленности США и России, которые характеризуют не только нынешнее положение данной отрасли, но и возможности ее дальнейшего развития.

Первый и неоспоримый факт на сегодняшний момент это то, что, автопроизводители в США отличаются более высоким уровнем инноваций по сравнению с Россией. Огромное количество инноваций (Innovation), а также передовых технических решений, обеспечивает им не только значительное конкурентное преимущество, но и оставляют задел на будущее. Например, такие гиганты автопрома, как Tesla и Ford, активно развивают электрические автомобили (electric cars), а также вкладывают огромные средства в дальнейшее развитие технологий “зелёной” автоиндустрии. В России тоже имеются проекты по созданию электромобилей, однако им не хватает финансирования, современных технологий и развитой инфраструктуры по обслуживанию и эксплуатации такого вида транспорта.

Вторым определяющим бурное развитие данной отрасли фактором являются государственные программы, способствующие развитию автомобильной промышленности как в США, так и в России. Большинство Американских автопроизводителей смещают акцент производства на электромобили и внедрение инновационных технологий. А в России основное внимание уделяется сохранению существующих производств, борьбе с экспансией иностранных автопроизводителей (expansion of foreign automakers) и выходу на новые рынки. Одной из мер, призванных помочь увеличению числа продаж “зелёных” авто, считается отмена НДС и таможенных пошлин на данный вид автомобилей. Общее увеличение процентного соотношения “зелёных” авто на улицах может помочь в продвижении более экологически чистых технологий не только в наших странах, но и во всем мире.

Развитие данного направления в этой многомиллионной индустрии, в обоих государствах, выглядит достаточно многообещающим, однако итог зависит от очень многих факторов и переменных. К примеру, изменения в климате, потепление и разнообразие потребительских предпочтений требуют от производителей прикладывать поистине огромные усилия к разработке новых концептуальных методов производства и проектирования не только внешнего дизайна автомобилей, но и их силовых агрегатов, к которым предъявляются все новые и новые экологические и энергосберегающие требования. Огромным и немаловажным аспектом продвижения данной отрасли является развитие

партнерских отношений между компаниями производителями, техническими и научными центрами, университетами и другими отраслями промышленности и науки, так как это создает более благоприятную деловую среду для привлечения инвестиций, увеличивает технологичность и интеллектуальность создаваемых автомобилей, а также обеспечивает такой необходимый задел для будущих прорывов и открытий в данной индустрии.

Исходя из проведенного анализа, можно составить несколько *рекомендаций*. Самое главное – это создавать поддержку для технических идей и новых исследований в данной области, оказывать финансовую поддержку не только научным центрам, участвующим в непосредственной разработке задач автомобильной индустрии, но и университетам, которые готовы продвигать в своих стенах изучение и исследования в автомобильных областях, это поможет в будущем не только получить новые технологии производства, но и увеличить количество квалифицированных кадров и специалистов, а также в обозримом будущем снизить общие экологические последствия от использования транспортных средств.

Российским автопроизводителям следует адаптировать и модернизировать уже существующие производственные мощности под нынешние реалии автомобильного рынка, перейти на высокотехнологичное оснащение автомобилей для соответствия потребительским запросам. Это позволит не только увеличить объем выпуска автомобилей с передовыми технологиями, но и удержать свои позиции в нашей стране, несмотря на постоянное давление из-за рубежа. Кроме того, важно рассмотреть возможность интеграции наших рынков с международными, что приведет к усилению конкуренции и привлечению новых инвесторов.

По итогам исследования можно сказать, что автомобильная промышленность как в США, так и в России находится на пороге значительных изменений и трансформаций. Дальнейшее продвижение и рост в данной сфере производства зависит не только от уровня технологий в данной отрасли, но и от способности автопроизводителей адаптироваться к новым условиям изменяющегося рынка и потребительским ожиданиям [1].

Список использованных источников:

1. Антонова О.В., Сравнительный анализ эффективности особых экономических зон и их влияния на развитие территорий // Экономические науки. 28.02.2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ecsn.ru/wp-content/uploads/202302_17.pdf (дата обращения: 30.08.2025).
2. Волгакамазавтосервис [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://volteh-kamazservis.ru/> (дата обращения: 30.08.2025).
3. Группа ГАЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stt.ru/> (дата обращения: 30.08.2025).
4. Кузнецова Т., Руд В.. Факторы эффективности и мотивации, определяющие инновационную деятельность российских промышленных предприятий. // Foresight-Russia. 30.06.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://foresight-journal.hse.ru/article/view/19613> (дата обращения: 30.08.2025).

5. Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/%D0%9D%D0%98%D0%9E%D0%9A%D0%A0> (дата обращения: 30.08.2025).
6. Официальный сайт LADA [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lada.ru/> (дата обращения: 30.08.2025).
7. Почему рабочие в США работают меньше, получают больше, а у нас всё наоборот: настоящая причина низкой производительности труда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/Zxz2DuuBhxpl84L2?ysclid=mfla4mla4l750049084> (дата обращения: 15.09.2025).
8. Плотников В. Цифризация как логический этап в эволюции экономической системы. // *Economic Revival of Russia*. 01.01.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://676.su/ZyvF> (дата обращения: 30.08.2025).
9. Behzad Saberi. Современные тенденции в развитии автомобильной промышленности в мире. // *Вестник Томского государственного университета экономики*. 01.06.2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://journals.tsu.ru/economy/&journal_page=archive&id=1741&article_id=38993 (дата обращения: 30.08.2025).
10. Electric Cars, Solar & Clean Energy // Tesla [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tesla.com/> (дата обращения: 30.08.2025).
11. Electric Cars, Solar & Clean Energy // Tesla [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.tesla.com/blog/master-plan-part-3> (дата обращения: 15.09.2025).
12. Ford Motor Company [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ford.com/?=> (дата обращения: 30.08.2025).
13. General Motors: Iconic Vehicles for Every Drive [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gm.com/> (дата обращения: 30.08.2025).
14. General Motors Quotes [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.azquotes.com/quotes/topics/general-motors.html> (дата обращения: 15.09.2025).
15. My Life and Work by Henry Ford and Samuel Crowther [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tesla.com/blog/master-plan-part-3> (дата обращения: 15.09.2025)..

УДК 33

ТРАНСПОРТНЫЙ НАЛОГ В США И РОССИИ

Платонова Дарья Олеговна,
Попова Софья Дмитриевна,
Волгоградский институт управления – филиал
РАНХиГС РФ, г. Волгоград

E-mail: popovasofa888@mail.ru

Аннотация. В процессе исследования проанализированы разные источники информации, включая действующие законы транспортного налога в России и в США, выявлены ключевые аспекты и недостатки существующих подходов к налогообложению. Также в статье проведён сравнительный анализ транспортных налогов под разными углами, такими как: применение налоговых ставок, методов администрирования и сбора налогов. Данная работа углубила понимание, как различных контекстов формирования существующих налоговых систем. В заключение были сформулированы рекомендации в принятии новых решений для оптимизации налоговой системы в области транспортных средств.

Abstract. In the course of the study, various sources of information were analyzed, including the current laws on transport tax in Russia and the United States, and the key aspects and shortcomings of existing approaches to taxation were identified. The article also provides a comparative analysis of transport taxes from different angles, such as the application of tax rates, methods of tax administration, and tax collection. This work has deepened our understanding of the various contexts in which existing tax systems are formed. In the conclusion the article provides recommendations for making new decisions to optimize the tax system for vehicles.

Ключевые слова: сравнительный анализ, правовые и нормативные акты, транспортные налоги в России, транспортные налоги в США, англоязычные страны, преимущества и недостатки.

Key words: comparative analysis, legal and regulatory acts, transport taxes in Russia, transport taxes in the USA, English-speaking countries, advantages and disadvantages.

Введение. Транспортный налог (road tax) – это налог, взимаемый с владельцев зарегистрированных транспортных средств, существенно влияющий на финансовую устойчивость как физических, так и юридических лиц. Размер налога зависит от выбросов CO₂, возраста автомобиля, его цены при покупке и типа топлива.

Сравнительный анализ транспортных налогов в России и США в значительной степени обусловлен различиями в экономических условиях, уровне развития инфраструктуры и особенностями налоговых систем этих стран.

В России транспортный налог представляет собой региональный налог, ставка которого зависит от мощности транспортного средства и его экологического класса. В США существующая система налогообложения транспортных средств включает как федеральные, так и местные налоги, и отличается разнообразием подходов в зависимости от штата, что порождает интерес к изучению практик разных юрисдикций.

Юридические базы и нормативные акты. В России история введение налога на транспорт берет свое начало с 1991 года, тогда был принят Закон «О дорожных фондах в РСФСР», в котором были впервые дифференцированы ставки транспортного налога в зависимости от мощности. Дальше система регулирования транспортных налогов в значительной мере определялась Налоговым кодексом Российской Федерации, который вступил в силу в 1999 году и с тех пор претерпел ряд изменений. Ключевым документом является гл. 28 Налогового кодекса, в которой описывались основные принципы налогообложения транспортных средств, включая порядок исчисления, уплаты и сроки, а также необходимость постановки на учет владельцами транспортных средств. Основными нормативными актами, регулирующими данный вопрос, являются также Федеральный закон от 30.10.2002 № 135-ФЗ «О кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации» и местные законодательные акты, которые устанавливают ставки налога в каждом конкретном субъекте Федерации. Эти законы определяют как налоговые ставки, так и условия их применения, позволяя каждому региону учитывать свои особенности и потребности [2; 5].

В США же история введения налога на транспорт берет свое начало с начала создания первого автомобиля Ford-T в 1908 году. Американцы включили транспортный налог в стоимость топлива. Кто больше ездит, тот больше платит. В настоящее время транспортное налогообложение в США имеет сложную федеративную структуру, где налоги на транспортные средства регулируются как на федеральном, так и на уровне штатов и местных органов власти. Одним из ключевых федеральных законов является Закон о транспортной политике 1991 года, в котором обозначены принципы финансирования транспортных проектов. На уровне штатов внимание уделяется требованиям, прописанным в законах, таких как Закон о налогах на транспортные средства различных штатов, среди которых выделяются штаты Калифорния, Техас и Нью-Йорк, каждый из которых применяет свои уникальные правила. «California collects a 7.5% state sales tax rate on the purchase of all vehicles, of which 1.25% is allocated to county governments. Local governments, such as districts and cities can collect additional taxes on the sale of vehicles up to 2.5%, in addition to the state tax. There is also a 50-dollar emissions testing fee which is applicable to the sale of a vehicle» [7] («Калифорния взимает государственный налог с продаж в размере 7,5% при покупке всех транспортных средств, из которых 1,25% выделяется правительствам округов. Местные органы власти, такие как округа и города, могут взимать дополнительные налоги с продажи транспортных средств в размере до 2,5% в дополнение к государственной пошлине. При продаже транспортного средства также взимается плата за тестирование на выбросы

вредных веществ в размере 50 долларов»)). В каждом штате существуют различные принципы к налоговым кредитам и освобождениям от уплаты налогов в зависимости от типа автомобиля и экономики региона [9, 10].

Таким образом, в России налогообложение регулируется Налоговым кодексом и местными актами. В США же налог на транспорт ориентируется на цену топлива и регулируется как на федеральном уровне, так и на уровне штатов, с приоритетом экологических аспектов.

Сравнение и анализ транспортных налогов в России и США. В Российской Федерации транспортные налоги являются основным элементом бюджетной системы, так как обеспечивают финансирование многих направлений, таких как развитие дорожной инфраструктуры и другие. Основные нормы, регулирующие транспортные налоги, содержатся в Налоговом кодексе РФ, в частности, в главе 28, которая определяет порядок исчисления, уплаты и администрирования транспортного налога [4].

Каждый регион может устанавливать свои налоговые ставки, соблюдая при этом минимальные и максимальные пределы, определенные федеральным законодательством. В 2023 году, по данным Федеральной налоговой службы, ставки налога колеблются в диапазоне от 5 до 1500 рублей за лошадиную силу, в зависимости от типа транспортного средства и его экологического класса. Транспортные средства делятся на несколько категорий: легковые автомобили, грузовые автомобили, автобусы и специальные транспортные средства, что также учитывается при установлении налоговых ставок [1].

Льготы на уплату транспортного налога предусмотрены для ветеранов, инвалидов и транспортных средств, используемых в социальном обслуживании или для государственных задач. В некоторых регионах действуют освобождения для автомобилей на альтернативных источниках энергии, что подчеркивает внимание к экологии. Также федеральное законодательство позволяет предоставлять налоговые вычеты организациям, использующим транспорт для товарных перевозок в удаленных районах.

Одной из особенностей транспортного налога в России является необходимость предоставления данных о мощности транспортного средства и его регистрации в налоговых органах. Владельцы обязаны уведомлять налоговые органы о приобретении и выбытии транспортных средств в течение 10 дней и своевременно уплачивать налог, что обеспечивает поступление средств в местный бюджет [3].

В Америке налоги на транспорт (taxes on transportation) устроены довольно сложно, потому что страна разделена на штаты, и у каждого свои правила. Транспортные налоги работают на трёх уровнях: федеральном, уровне штата и местном (federal, state, and local levels). Получается, что каждый штат сам решает, какие налоги и в каком объёме брать, исходя из актуальной ситуации. Главные документы, регулирующие данный процесс, – это законы, принятые Конгрессом (The Congress), законы каждого отдельного штата и местные правила [6].

В Штатах акцизы на бензин и дизель (excise taxes on gasoline and diesel) – это один из главных способов сбора денежных средств на дорогах. С каждого

проданного галлона (gallon – мера объёма в английской системе мер, соответствующая от 3,79 до 4,55 литра) часть идет в специальный фонд, из которого потом оплачивают ремонт и строительство дорог и мостов. Интересно, что в России транспортный налог считают по мощности двигателя, а в Америке акциз – это просто фиксированная сумма: 18,4 цента с галлона бензина и 24,4 цента с галлона дизеля.

В разных штатах налог на транспорт рассчитывается по-разному, смотря какое у владельца авто и насколько оно вредит природе. Например, в Калифорнии, когда регистрируешь автомобиль, смотрят, сколько CO₂ он выбрасывает. Кроме того, есть скидки по налогам для тех, кто ездит на электрокарах или гибридах (electric cars or hybrids), чтобы люди охотнее пересеживались на экологичный транспорт [8].

Транспортные налоги зависят от того, как используется машина. Например, Штат Вирджиния. Virginia Code § 58.1-3210 «Exemption or deferral of taxes on property of certain elderly and handicapped persons». «The governing body of any county, city, or town may, by ordinance, provide for the exemption from, or deferral of, taxation of real estate and personal property ... for persons not less than sixty-five years of age or persons found to be permanently and totally disabled ...» [11] (Кодекс штата Вирджиния § 58.1-3210 «Освобождение или отсрочка уплаты налогов на имущество некоторых пожилых людей и инвалидов». «Руководящий орган любого округа, города или поселковой администрации может издать постановление об освобождении или отсрочке налогообложения недвижимости и личного имущества ... для лиц в возрасте не моложе шестидесяти пяти лет или лиц, признанных постоянно и полностью нетрудоспособными ...»). А ещё местные власти сами решают, какие налоги вводить. Из-за этого вся система становится довольно сложной.

В России налоги на транспорт устроены сложно: есть правила от федерального центра и от регионов. А в США чаще учитывают, как налоги влияют на людей и экономику.

Выводы. Сравнив системы транспортного налога в России и США, мы сделали некоторые выводы. Они помогут понять, как разные подходы к налогам влияют на экономику и функционирование общества в обеих странах.

Во-первых, в России транспортный налог устроен так, что всё контролируют сверху. Федеральные и местные власти сами решают, какие будут ставки и льготы, опираясь на экономику каждого региона. У нас налог зависит от того, насколько машина мощная и насколько она экологичная. Но из-за этого единого подхода бывают проблемы. Например, в разных регионах ситуация по экономике разная, а правила для всех одинаковые.

В США транспортный налог устроен так, что каждый штат решает сам, как его собирать. Это позволяет учитывать особенности каждого региона и пробовать что-то новое. Но из-за этого налоги могут сильно отличаться от штата к штату, и люди становятся более зависимыми от местной экономики.

В России с транспортным налогом есть некоторые неопределенности, трудно понять, кто и как платит. А в Штатах, благодаря современным

технологиям и учету, данный процесс прозрачнее и понятнее. В-третьих, и в России, и в Соединенных Штатах предпринимают меры, поддержки владельцев экологичных машин разными льготами. Но в Америке данный процесс более эффективен: там налоги меньше, различных привилегий больше, чтобы люди пересаживались на экологичный транспорт.

В заключение можно сказать, что у каждой системы транспортных налогов есть свои плюсы и минусы. В России более чёткий регламент и правила для всех, а в Америке больше свободы и привязки к местным принципам и особенностям.

Рекомендации. Рассматривая, как устроены транспортные налоги в России и Америке, можно выделить некоторые рекомендации по их улучшению:

1. Рекомендуется провести ревизию нормативных актов по транспортным налогам для упрощения налогообложения и повышения прозрачности. Нужно сделать понятную систему учёта автомобилей. Внедрение современных технологий для автоматизации уплаты налогов станет важным шагом вперед.

2. Чтобы люди лучше относились к транспортному налогу, стоит учитывать, что в разных регионах экономическая ситуация разная.

3. Можно сделать удобные сайты и сервисы в интернете, где будет понятная информация о налогах и ставках.

4. Рекомендуется создать совместные программы контроля за соблюдением налоговых обязательств между уровнями власти. Партнерство федеральных, региональных и местных органов повысит качество собираемости налогов.

Предложенные меры способны повысить эффективность транспортного налогообложения как в России, так и в США. Совершенствование налогового регулирования с учётом успешного опыта обеих стран позволит сформировать оптимальную систему сборов. Это, в свою очередь, будет способствовать модернизации транспортной сети и качественному обслуживанию населения.

Список использованной литературы:

1. Агузарова Ф.С. Роль региональных и местных налогов в формировании доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fin-izdat.com/journal/region/detail.php?ID=72346> (дата обращения: 31.08.2025).

2. Конституция Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1438/ (дата обращения: 31.08.2025).

3. Лайпанова З.М., Казиева Р.Э. Транспортный налог. Отчетность по транспортному налогу. Составление деклараций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doicode.ru/doifile/lj/93/trnio-01-2023-128.pdf> (дата обращения: 31.08.2025).

4. Семенова Г.Н. транспортный налог как доходный источник бюджетов субъектов российской федерации // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Экономика. – 2022. – №2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/transportnyy-nalog-kak-dohodnyy-istochnik-byudzhetrov-subektov-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 31.08.2025).

5. Федеральная налоговая служба / Налоговый кодекс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nalog.garant.ru/fns/nk/> (дата обращения: 31.08.2025).

6. Federal laws and regulations // USAGov. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usa.gov/laws-and-regulations> (дата обращения: 31.08.2025).

7. Sales tax on cars and vehicles in California. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.salestaxhandbook.com/california/sales-tax-vehicles> (дата обращения: 21.09.2025).

8. State incentives for electric vehicle market development [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/317609711_State_incentives_for_electric_vehicle_market_development_Best_practices (дата обращения: 31.08.2025).

9. Text of H.R. 2950 (102nd): Intermodal Surface Transportation. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.govtrack.us/congress/bills/102/hr2950/text> (дата обращения: 31.08.2025).

10. The Official Homepage of Ford Ireland // Ford IE. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ford.ie/> (дата обращения: 31.08.2025).

11. Virginia Code § 58.1-3210. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://law.lis.virginia.gov/vacode/title58.1/chapter32/section58.1-3210/> (дата обращения: 04.10.2025).

УДК 339.5

ВЛИЯНИЕ САНКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ НА ВЫБОР УСЛОВИЙ ПОСТАВКИ ПО ИНКОТЕРМС В РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ

Берг Дарья Андреевна,
Университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), г. Москва

E-mail: darya.rodionenko@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется трансформация подходов российских участников внешнеэкономической деятельности к выбору базисных условий поставки по правилам Инкотермс под воздействием санкционных ограничений, введенных с февраля 2022 года. Рассматриваются изменения в распределении рисков и ответственности между экспортерами и импортерами, обусловленные новыми вызовами в области международных расчетов, страхования грузов и логистики. Методология исследования включает сравнительный анализ статистических данных. На основе анализа данных за период 2021-2024 годов выявлены количественные изменения в структуре применения различных базисов: рост использования условий FOB в экспорте на 12,8 процентных пунктов при одновременном сокращении применения CIF на 8,9 п.п., увеличение доли условий EXW и DAP в импортных операциях на 6,3 и 7,1 п.п. соответственно. Определены основные факторы трансформации: невозможность получения страхового покрытия от западных компаний, удлинение логистических цепочек через третьи страны, развитие параллельного импорта объемом 3 млрд долларов ежемесячно, сложности с международными расчетами через отключенные от SWIFT банки. Представлены рекомендации по адаптации стратегий выбора условий поставки к новым геополитическим реалиям.

Abstract. The article analyzes the transformation of approaches of Russian foreign economic activity participants to the choice of basic delivery terms under Incoterms rules under the influence of sanctions restrictions imposed since February 2022. Changes in the distribution of risks and responsibilities between exporters and importers, caused by new challenges in international payments, cargo insurance and logistics are considered. Based on the analysis of data for the period 2021-2024, quantitative changes in the structure of application of various bases were identified: growth in the use of FOB terms in exports by 12.8 percentage points with simultaneous reduction in the use of CIF by 8.9 p.p., increase in the share of EXW and DAP terms in import operations by 6.3 and 7.1 p.p. respectively. The main transformation factors are identified: inability to obtain insurance coverage from Western companies, lengthening of logistics chains through third countries, development of parallel imports with a volume of \$3 billion monthly, difficulties with international payments through banks disconnected from SWIFT. Recommendations for adapting strategies for choosing delivery terms to new geopolitical realities are presented.

Ключевые слова: Инкотермс, условия поставки, санкционная политика, внешняя торговля, распределение рисков, страхование грузов, международная логистика.

Key words: Incoterms, delivery terms, sanctions policy, foreign trade, risk distribution, cargo insurance, international logistics.

Введение. Современная система международной торговли претерпевает фундаментальные изменения под воздействием геополитических факторов. Введение беспрецедентных по масштабу санкционных ограничений в отношении России с февраля 2022 года привело к кардинальной перестройке логистических цепочек и механизмов международных расчетов. Правила Инкотермс, традиционно выступающие основным инструментом регулирования взаимоотношений между продавцами и покупателями, требуют адаптации к новым условиям функционирования российской внешней торговли. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания механизмов адаптации российского бизнеса к санкционным ограничениям и выработки оптимальных стратегий ведения внешнеэкономической деятельности в условиях геополитической турбулентности.

Целью данного исследования является выявление и анализ изменений в подходах российских компаний к выбору базисных условий поставки по правилам Инкотермс под воздействием санкционной политики, количественная оценка структурных сдвигов в применении различных базисов, а также определение основных факторов, влияющих на трансформацию практики применения международных торговых терминов в новых геополитических условиях.

Материал и методы исследования. Исследование основано на анализе статистических данных Федеральной таможенной службы России за период 2021-2025 годов, материалов Российского экспортного центра, отчетов международных логистических компаний, публикаций в специализированных изданиях по внешнеэкономической деятельности. Применялись методы сравнительного анализа динамики использования различных базисов поставки до и после введения санкций, контент-анализ внешнеторговых контрактов российских компаний, экспертные оценки представителей логистических компаний и участников ВЭД. Проанализированы изменения в структуре внешнеторгового оборота России по географическому признаку и видам используемых условий поставки.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ динамики внешней торговли России демонстрирует существенную трансформацию географической структуры товарооборота. По данным ФТС, доля недружественных стран в российском экспорте сократилась с 57% до 15% к середине 2023 года, тогда как доля Китая возросла с 13% до 28%. Параллельно произошло двукратное увеличение поставок в нейтральные страны [8]. Данные изменения отразились на структуре применяемых условий поставки, поскольку новые торговые партнеры имеют иные предпочтения и требования к организации логистических процессов.

Для количественной оценки изменений в применении различных базисов поставки Инкотермс российскими компаниями был проведен сравнительный анализ структуры внешнеторговых контрактов за период 2021-2024 годов. Результаты анализа представлены в таблице 1, которая демонстрирует существенные сдвиги в предпочтениях участников ВЭД под влиянием санкционных ограничений.

Таблица 1

Изменение структуры использования условий поставки Инкотермс российскими компаниями в экспортно-импортных операциях, %

Условия поставки	Экспорт 2021	Экспорт 2024	Изменение, п.п.	Импорт 2021	Импорт 2024	Изменение, п.п.
EXW	5,2	3,1	-2,1	12,4	18,7	+6,3
FCA	8,7	15,3	+6,6	15,2	11,8	-3,4
FAS	2,3	1,8	-0,5	1,1	0,7	-0,4
FOB	18,4	31,2	+12,8	22,3	14,6	-7,7
CFR	24,6	17,9	-6,7	8,9	5,2	-3,7
CIF	21,3	12,4	-8,9	7,6	4,3	-3,3
CPT	6,8	9,2	+2,4	9,4	11,8	+2,4
CIP	4,2	3,7	-0,5	5,8	7,1	+1,3
DAP	5,1	3,8	-1,3	11,3	18,4	+7,1
DPU	1,9	1,2	-0,7	3,7	4,9	+1,2
DDP	1,5	0,4	-1,1	2,3	2,5	+0,2
Итого	100,0	100,0	-	100,0	100,0	-

Источник: составлено автором на основе анализа материалов [9] [10].

Анализ данных таблицы 1 выявляет несколько ключевых тенденций в трансформации структуры используемых условий поставки. В экспортных операциях наиболее значительный рост демонстрирует использование условия FOB (+12,8 процентных пунктов), что свидетельствует о стремлении российских экспортеров минимизировать свою ответственность за международную перевозку и переложить риски на иностранных покупателей. Одновременно наблюдается существенное сокращение применения условий CIF (-8,9 п.п.) и CFR (-6,7 п.п.), которые предполагают организацию и оплату фрахта российской стороной. В импортных операциях, напротив, возрастает доля условий EXW (+6,3 п.п.) и DAP (+7,1 п.п.), что отражает различные стратегии адаптации к санкционным ограничениям: часть импортеров берет на себя полную ответственность за организацию поставки от склада продавца, другая часть стремится минимизировать свое участие в логистических процессах.

В экспортных операциях выявлена устойчивая тенденция перехода от условий группы С (CFR, CIF) к условиям группы F (FOB, FCA). Российские

экспортеры нефти и нефтепродуктов, традиционно использовавшие базис CIF, вынуждены переходить на FOB для минимизации рисков, связанных с невозможностью получения страхового покрытия от западных компаний. Введение механизма «ценового потолка» на российские энергоносители привело к формированию параллельной системы транспортировки через танкерный флот дружественных стран[1]. Данная система требует иного распределения ответственности между участниками сделки, поскольку российские компании не могут гарантировать соблюдение всех требований при транспортировке через множественные юрисдикции.

Экспортеры сельскохозяйственной продукции также адаптировали подходы к выбору базисов поставки. Традиционно российское зерно экспортировалось на условиях CFR, что позволяло трейдерам контролировать логистическую цепочку и оптимизировать ценообразование с учетом волатильности мировых рынков. Однако санкционные ограничения и усложнение расчетов привели к увеличению доли контрактов на условиях FOB, при которых иностранные покупатели самостоятельно организуют вывоз продукции из российских портов[2].

В сфере машиностроительного экспорта наблюдается дифференцированный подход к выбору условий поставки в зависимости от страны назначения. При поставках в дружественные страны Азии и Африки российские производители готовы использовать условия CIP и CPT, берущие на себя организацию транспортировки и базовое страхование. Однако при работе через посредников в третьих странах предпочтение отдается условиям FCA, позволяющим передать риски в момент передачи груза первому перевозчику на территории России.

В импортных операциях наблюдается противоположная тенденция - рост использования условий группы D (DAP, DDP), при которых иностранный поставщик берет на себя максимальный объем обязательств. Данный подход позволяет российским импортерам избежать сложностей с оформлением транзитных документов в третьих странах и снижает риски задержки грузов[3]. Особенно заметен данный тренд в поставках высокотехнологичного оборудования и электроники, где риски конфискации или блокировки груза при транзите через недружественные юрисдикции максимальны.

Развитие параллельного импорта создало дополнительные предпосылки для изменения структуры используемых базисов поставки. Компании-посредники из дружественных стран, осуществляющие реэкспорт западных товаров в Россию, предпочитают работать на условиях EXW или FCA, перекладывая на российских покупателей риски транзита через несколько юрисдикций. По экспертным оценкам, объем параллельного импорта в 2024 году составлял около 3 млрд долларов ежемесячно, при этом до 70% поставок осуществлялось на условиях, минимизирующих ответственность продавца [4].

Особую проблему представляет страхование грузов при международных перевозках. Включение крупнейших российских страховых компаний «Ингосстрах» и «АльфаСтрахование» в санкционные списки в начале 2025 года создало дополнительные сложности для участников ВЭД [11]. При

использовании условий CIF и CIP российские экспортеры сталкиваются с отказами западных партнеров принимать страховые полисы, выданные российскими или китайскими страховщиками, что приводит к необходимости пересмотра условий контрактов.

Развивается практика использования альтернативных механизмов страхования через компании из дружественных стран. Турецкие, индийские и китайские страховщики активно выходят на российский рынок, предлагая услуги по страхованию международных грузоперевозок. Однако их условия часто менее выгодны, чем у традиционных международных страховщиков, что увеличивает стоимость внешнеторговых операций на 3-7% в зависимости от маршрута и типа груза.

Трансформация транспортно-логистической инфраструктуры также повлияла на выбор условий поставки. Закрытие европейского воздушного пространства и ограничения на автомобильные перевозки через границы с ЕС привели к переориентации грузопотоков на восточное направление. Развитие транспортных коридоров через Каспийский регион и Центральную Азию потребовало адаптации к специфике мультимодальных перевозок. Международный транспортный коридор «Север-Юг» увеличил объем перевозок на 15% в 2024 году, при этом большинство грузов следует на условиях CPT и CIP, оптимальных для мультимодальных схем[5].

Важным фактором выбора условий поставки стала проблема международных расчетов. Отключение российских банков от системы SWIFT и сложности с проведением платежей через банки третьих стран привели к изменению подходов к распределению финансовых рисков. При условиях группы С продавец должен оплатить фрахт до получения оплаты за товар, что создает дополнительные финансовые риски в условиях нестабильности платежных систем. Поэтому российские экспортеры предпочитают условия FOB, при которых покупатель самостоятельно оплачивает транспортировку, снижая финансовую нагрузку на продавца в период между отгрузкой и получением оплаты.

Анализ типовых внешнеторговых контрактов российских компаний показывает тенденцию к более детальной проработке положений о распределении рисков и ответственности сторон. Компании включают дополнительные оговорки о форс-мажорных обстоятельствах, связанных с введением новых санкционных ограничений, и механизмы пересмотра условий поставки при изменении геополитической ситуации[6]. Стандартные контракты содержат подробные описания процедур действий при блокировке платежей, задержке грузов на границах, невозможности получения необходимых разрешений и лицензий.

Особое внимание уделяется вопросам определения применимого права и юрисдикции для разрешения споров. Российские компании стремятся избегать подчинения контрактов праву недружественных государств и передачи споров в их арбитражные институты. Предпочтение отдается арбитражным центрам в нейтральных юрисдикциях – Гонконге, Сингапуре, Дубае.

Влияние санкций на выбор условий поставки проявляется и в сфере ценообразования. Увеличение транспортных издержек, связанное с удлинением

логистических маршрутов, делает критически важным правильный выбор базиса поставки для оптимизации затрат. Российские экспортеры вынуждены предоставлять дополнительные ценовые дисконты для компенсации возросших логистических расходов покупателей. По оценкам экспертов, средний дисконт при переходе с CIF на FOB составляет 5-8% от стоимости товара, что существенно влияет на рентабельность экспортных операций[12].

Государственная поддержка внешней торговли учитывает изменившиеся подходы к выбору условий поставки. Российский экспортный центр расширил спектр услуг по страхованию экспортных кредитов и политических рисков. Правительство разрабатывает меры для усиления страховой защиты компаний, работающих на рынках с высоким уровнем риска [13]. В 2024 году был создан специальный фонд поддержки экспортеров с капиталом 100 млрд рублей, предоставляющий гарантии и страховое покрытие для поставок в страны Азии и Африки.

Адаптация к новым условиям потребовала от российских компаний повышения компетенций в области международной логистики. Возросла потребность в специалистах, способных оценивать риски и выбирать оптимальные условия поставки с учетом санкционных ограничений. Ведущие вузы страны ввели специальные программы по изучению особенностей ведения ВЭД в условиях санкций, включающие детальный анализ применения различных условий Инкотермс в новых геополитических реалиях [14].

Цифровизация внешнеторговых процессов также влияет на выбор условий поставки. Развитие электронного документооборота и блокчейн-технологий позволяет более эффективно контролировать исполнение обязательств сторонами и снижает риски мошенничества. Российские компании активно внедряют цифровые платформы для управления поставками, что позволяет использовать более сложные условия поставки с множественными точками передачи ответственности[7].

Анализ перспектив дальнейшей эволюции подходов к выбору условий поставки позволяет выделить несколько ключевых трендов. Ожидается развитие механизмов страхования с участием страховых компаний из дружественных стран и создание альтернативных международных страховых пулов. Продолжится адаптация условий Инкотермс к специфике торговли через цифровые платформы и с использованием криптовалют для расчетов. Возможно появление региональных стандартов условий поставки в рамках интеграционных объединений с участием России – ЕАЭС, ШОС, БРИКС [15].

Выводы. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о фундаментальной трансформации подходов российских компаний к выбору условий поставки по правилам Инкотермс под воздействием санкционной политики. Количественный анализ выявил существенные структурные сдвиги как в экспортных, так и импортных операциях.

Основными выявленными тенденциями являются: переход экспортеров от условий группы С к условиям группы F для минимизации рисков, связанных со страхованием и организацией перевозки; предпочтение импортерами условий группы D для снижения собственного участия в организации международных поставок через множественные юрисдикции; усложнение механизмов

страхования грузов и поиск альтернативных решений через страховщиков из дружественных стран; адаптация базисов поставки к новым логистическим маршрутам через территории дружественных и нейтральных государств, особенно для мультимодальных перевозок.

Способность гибко применять различные условия поставки и оперативно реагировать на изменения санкционного режима становится ключевым фактором конкурентоспособности российских компаний на международных рынках. Дальнейшее развитие ситуации потребует создания альтернативных механизмов страхования грузов с участием страховых пулов дружественных стран, разработки региональных стандартов условий поставки в рамках интеграционных объединений с участием России, повышения квалификации специалистов в области международной логистики с учетом специфики работы в условиях санкционных ограничений, а также развития цифровых инструментов контроля и управления международными поставками для снижения рисков при использовании сложных мультимодальных маршрутов.

Список использованных источников:

1. Ушкалова Д.И. Эскалация санкционного давления: новые риски для внешней торговли России / Д.И. Ушкалова // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2024. – № 6. – С. 24-39.
2. Тегичев М.В. FOB и CIF значение и отличия в рамках Инкотермс / М.В. Тегичев // E-Scio. – 2023. – № 3(78). – С. 593-598.
3. Прокопьева М.Н. Исследование влияния условий поставки Инкотермс-2020 на размер таможенной стоимости ввозимых товаров / М.Н. Прокопьева // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2021. – № 1(53). – С. 96-104.
4. Панова Е.А. Параллельный импорт: теория, практика и специфика в условиях санкционных ограничений / Е.А. Панова // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2023. – Т. 58, № 5. – С. 262-279.
5. Голубчик А.М. Внешнеторговая транспортная логистика России в условиях санкционного режима: год спустя / А.М. Голубчик, Е.В. Пак // Российский внешнеэкономический вестник. – 2023. – № 10. – С. 77-84.
6. Нестерова Т.И. Международные экономические санкции как обстоятельства непреодолимой силы / Т.И. Нестерова, А.С. Кочнев // Проблемы экономики и юридической практики. – 2019. – Т. 15, № 5. – С. 210-213.
7. Пустынникова Е.В. Интеграция региональных логистических каналов в единую транспортно-логистическую систему как условие для эффективного ответа Российской экономики на международные вызовы / Е.В. Пустынникова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2022. – Т. 16, № 4. – С. 172-185.
8. Переориентация внешней торговли России: шесть основных выводов // ECONS.ONLINE. 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://econs.online/articles/opinions/pereorientatsiya-vneshney-torgovli-rossii-shest-osnovnykh-vivodov/> (дата обращения: 27.08.2025).

9. Федеральная таможенная служба России. Статистика внешней торговли. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://customs.gov.ru/statistic> (дата обращения: 27.08.2025)

10. Российский союз промышленников и предпринимателей. Мониторинг условий ведения ВЭД в условиях санкций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rspp.ru/events/analytics/> (дата обращения: 27.08.2025)

11. Власти усилят страхование российских экспортеров на зарубежных рынках // РБК. 2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/finances/16/01/2025/6787ca629a7947b3606d3654> (дата обращения: 27.08.2025).

12. Внешняя торговля России: изменения 2024-го и тенденции 2025 года // Russia's Pivot to Asia. 2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiaspivottoasia.com/russian/vneshnyaya-torgovlya-rossii-izmeneniya-2024-go-i-tendenczii-2025-goda/> (дата обращения: 27.08.2025).

13. Экспорт и импорт: новые ограничения и возможности // ГАРАНТ.РУ. 2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/article/1789175/> (дата обращения: 27.08.2025).

14. Внешняя торговля в 2024 году: главные вызовы и пути решения // Сбер.Про. 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sber.pro/publication/vneshnyaya-torgovlya-rossii-v-2024-godu-glavnie-voprosi-i-vozmozhnie-resheniya/> (дата обращения: 27.08.2025).

15. Российский союз промышленников и предпринимателей. Мониторинг условий ведения ВЭД в условиях санкций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rspp.ru/events/analytics/> (дата обращения: 27.08.2025).

УДК 339.5

**ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ИНКОТЕРМС В УСЛОВИЯХ
ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЕАЭС**

Берг Дарья Андреевна,
Университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), г. Москва

E-mail: darya.rodionenko@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются проблемы применения международных торговых терминов Инкотермс во внутрирегиональной торговле Евразийского экономического союза. Рассматриваются противоречия между универсальным характером правил Инкотермс и спецификой функционирования единого таможенного пространства ЕАЭС, где товары перемещаются без таможенного декларирования и контроля. Выявлены основные барьеры, препятствующие эффективному использованию международных условий поставки в рамках взаимной торговли государств-членов. На основе статистического анализа структуры использования различных базисов поставки выявлены существенные диспропорции между взаимной и внешней торговлей ЕАЭС. Обоснована необходимость разработки специализированных региональных правил поставки, учитывающих отсутствие таможенных границ, особенности администрирования косвенных налогов и механизмы цифровизации документооборота.

Abstract. The article analyzes the problems of applying international trade terms Incoterms in intraregional trade of the Eurasian Economic Union. The contradictions between the universal nature of Incoterms rules and the specifics of the functioning of the EAEU single customs territory, where goods move without customs declaration and control, are considered. The main barriers preventing effective use of international delivery terms within mutual trade of member states are identified. Based on statistical analysis of the structure of various delivery bases usage, significant disproportions between mutual and foreign trade of the EAEU are revealed. The necessity of developing specialized regional delivery rules considering absence of customs borders, peculiarities of indirect taxes administration and document flow digitalization mechanisms is substantiated.

Ключевые слова: Инкотермс, внутрирегиональная торговля, ЕАЭС, условия поставки, барьеры торговли, таможенный союз, взаимная торговля.

Key words: Incoterms, intraregional trade, EAEU, delivery terms, trade barriers, customs union, mutual trade.

Введение. Современная система международной торговли характеризуется сложностью и многообразием используемых инструментов регулирования коммерческих отношений между хозяйствующими субъектами различных стран. Правила Инкотермс, разработанные Международной торговой

палатой, на протяжении десятилетий выступают универсальным инструментом стандартизации условий поставки товаров в международной торговле, определяя распределение обязанностей, рисков и расходов между продавцом и покупателем. В условиях функционирования Евразийского экономического союза, объединяющего Армению, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россию в единое таможенное и экономическое пространство, возникает принципиальный вопрос о целесообразности и эффективности применения международных торговых терминов во взаимной торговле государств-членов, которая осуществляется без применения таможенных пошлин и количественных ограничений, а также без применения к товарам Союза мер нетарифного регулирования.

Актуальность исследуемой проблемы определяется динамичным развитием взаимной торговли в рамках ЕАЭС, объем которой по итогам 2023 года достиг 89,3 млрд долларов США, продемонстрировав рост на 4,7% по сравнению с 2022 годом, а в январе-сентябре 2024 года составил 71,2 млрд долларов США. При этом сохраняется значительное количество барьеров и препятствий во взаимной торговле, число которых по состоянию на конец 2024 года составляет 29 единиц, что продолжает негативно влиять на эффективность внутрирегиональной торговли. Парадоксальность ситуации заключается в том, что участники внешнеэкономической деятельности, работающие в рамках единого экономического пространства с унифицированным таможенным законодательством и отсутствием внутренних таможенных границ, вынуждены использовать правила, изначально разработанные для регулирования поставок между странами с различными таможенными режимами, валютными системами и правовыми юрисдикциями.

Материал и методы исследования. Исследование основано на комплексном анализе нормативно-правовой базы ЕАЭС, статистических данных Евразийской экономической комиссии и национальных статистических служб государств-членов за период 2023-2024 годов. Применялись методы сравнительного анализа структуры использования различных базисов поставки Инкотермс во взаимной торговле ЕАЭС и внешней торговле с третьими странами. Использовались методы экспертных оценок для выявления ключевых проблем применения международных торговых терминов в условиях единого экономического пространства.

Результаты исследования и их обсуждение. Теоретическое осмысление проблемы применения Инкотермс в региональных интеграционных объединениях требует анализа фундаментального противоречия между глобальным и региональным подходами к регулированию торговых отношений. Правила Инкотермс, претендующие на универсальность применения в международной торговле, базируются на предпосылке о наличии таможенных границ, различных правовых систем и необходимости четкого разграничения ответственности сторон при пересечении товаром национальных границ [1]. В условиях функционирования таможенного союза ЕАЭС, где товары Союза перемещаются без применения таможенного декларирования и таможенного контроля на внутренних границах государств-членов, многие положения

Инкотермс теряют свою первоначальную функциональность, создавая правовую неопределенность и дополнительные транзакционные издержки для хозяйствующих субъектов.

Анализ практики применения различных базисов поставки Инкотермс во взаимной торговле ЕАЭС выявляет существенные структурные диспропорции в использовании отдельных условий поставки по сравнению с внешней торговлей с третьими странами. Если в торговле с государствами за пределами Союза традиционно доминируют условия групп F (FOB, FCA) и C (CFR, CIF), обеспечивающие четкое разграничение ответственности при пересечении таможенной границы, то во взаимной торговле наблюдается смещение предпочтений в сторону условий групп E (EXW) и D (DAP, DDP), минимизирующих вовлечение продавца в логистические процессы или, напротив, возлагающих на него максимальную ответственность за доставку [2]. Подобная трансформация свидетельствует о попытках участников рынка адаптировать существующие международные правила к специфике единого экономического пространства, однако отсутствие системного подхода к решению данной проблемы приводит к росту транзакционных издержек и снижению эффективности торговых операций.

Таблица 1

Структура использования условий поставки
Инкотермс во взаимной торговле ЕАЭС, %

Условия поставки	Взаимная торговля ЕАЭС, 2024 г.	Внешняя торговля с третьими странами, 2024 г.
EXW	14,2	3,8
FCA	17,1	11,5
FOB	7,3	22,7
CFR	4,8	17,2
CIF	2,9	15,6
CPT	12,7	8,4
CIP	7,5	5,6
DAP	26,8	9,7
DPU	4,2	3,1
DDP	2,5	2,4
Итого	100,0	100,0

Источник: составлено автором на основе анализа данных ЕЭК и национальных статистических служб государств-членов ЕАЭС за январь-ноябрь 2024 года [7] [8].

Анализ представленных в таблице 1 данных демонстрирует кардинальные различия в структуре используемых условий поставки между взаимной торговлей внутри ЕАЭС и внешней торговлей с третьими странами, что свидетельствует о фундаментальном несоответствии классических условий Инкотермс специфике единого экономического пространства Союза.

Одной из ключевых проблем применения Инкотермс в ЕАЭС выступает несоответствие заложенных в международных правилах механизмов распределения таможенных обязанностей реальным условиям функционирования единой таможенной территории Союза. Согласно Таможенному кодексу ЕАЭС, товары Союза при перемещении между государствами-членами не подлежат помещению под таможенные процедуры, что делает неприменимыми положения Инкотермс о распределении обязанностей по таможенной очистке между продавцом и покупателем [3]. Формальное применение условий DDP, предполагающих выполнение продавцом всех таможенных формальностей в стране импортера, во взаимной торговле ЕАЭС создает правовую коллизию, поскольку таможенное оформление как таковое отсутствует, а статистический учет взаимной торговли осуществляется на основе отчетности хозяйствующих субъектов без участия таможенных органов.

Проблема страхования грузов при использовании условий группы С (CIF, CIP) во взаимной торговле ЕАЭС приобретает особую остроту в связи с отсутствием единого страхового рынка Союза и различиями в национальных системах страхования транспортных рисков. Несмотря на декларируемую свободу предоставления услуг в рамках ЕАЭС, страховые компании государств-членов сталкиваются с существенными барьерами при осуществлении трансграничных операций, включая различия в лицензионных требованиях, стандартах финансовой устойчивости и механизмах урегулирования убытков [4]. В результате покупатели из одних государств-членов часто отказываются принимать страховые полисы, выданные страховщиками других стран Союза, что приводит к необходимости двойного страхования или отказу от использования условий CIF/CIP в пользу менее оптимальных с точки зрения распределения рисков базисов поставки.

Валютно-финансовые аспекты применения Инкотермс во взаимной торговле ЕАЭС обнаруживают дополнительные противоречия между универсальными международными правилами и региональной спецификой. Отсутствие единой валюты Союза при доминировании российского рубля в расчетах (78,3% платежей во взаимной торговле по итогам 2023 года) создает асимметрию валютных рисков для участников из разных государств-членов [5]. При использовании условий группы С, предполагающих оплату фрахта продавцом до получения платежа за товар, компании из стран с более волатильными национальными валютами несут повышенные финансовые риски, что стимулирует переход на условия FOB или FCA, менее эффективные с точки зрения оптимизации логистических процессов в едином экономическом пространстве.

Административные барьеры во взаимной торговле ЕАЭС, несмотря на формальное отсутствие таможенных границ, существенно влияют на выбор условий поставки и эффективность их применения. Сохранение различных систем технического регулирования, санитарного и фитосанитарного контроля на внутренних границах Союза создает дополнительные точки передачи ответственности, не предусмотренные классическими условиями Инкотермс [6]. Например, при поставке сельскохозяйственной продукции из Кыргызстана в Казахстан на условиях DAP продавец формально должен доставить товар до согласованного пункта назначения, однако прохождение фитосанитарного контроля на границе может потребовать дополнительных действий и расходов, распределение которых между сторонами остается неурегулированным в рамках стандартных условий поставки.

Институциональная неоднородность правовых систем государств-членов ЕАЭС создает существенные сложности в интерпретации и применении условий Инкотермс при разрешении торговых споров. Несмотря на наличие Договора о ЕАЭС и унифицированного таможенного законодательства, гражданско-правовое регулирование договорных отношений остается в компетенции национальных законодательств, которые по-разному трактуют момент перехода права собственности, распределение рисков случайной гибели товара и ответственность за нарушение договорных обязательств [9]. В результате одинаковые условия поставки могут иметь различные правовые последствия в зависимости от применимого права и юрисдикции рассмотрения спора.

Развитие цифровой торговли и электронной коммерции в рамках ЕАЭС выявляет новые аспекты проблемы применения традиционных условий поставки, разработанных для классических форм международной торговли. Рост объемов трансграничной интернет-торговли между государствами-членами, достигший по итогам 2024 года 5,2 млрд долларов США, требует адаптации условий поставки к специфике дистанционных продаж, характеризующихся множественностью мелких отправок, использованием услуг маркетплейсов и фулфилмент-центров, а также особыми требованиями к возврату товаров [10]. Классические условия Инкотермс, ориентированные преимущественно на крупные коммерческие поставки, оказываются малоприменимыми для регулирования отношений в сегменте B2C и C2C, где преобладают упрощенные схемы доставки через курьерские службы и пункты выдачи заказов.

Проблема унификации транспортной документации во взаимной торговле ЕАЭС создает дополнительные сложности при определении момента передачи товара и перехода рисков согласно условиям Инкотермс. Отсутствие единых стандартов оформления товарно-транспортных накладных при автомобильных перевозках между государствами-членами приводит к использованию различных форм документов – от международной накладной CMR до национальных транспортных документов, что затрудняет документальное подтверждение выполнения обязательств по поставке [11]. Особую сложность представляет документальное оформление мультимодальных перевозок, когда товар последовательно перевозится различными видами транспорта с оформлением разнородных транспортных документов, не всегда признаваемых в качестве достаточного доказательства поставки в соответствии с условиями Инкотермс.

Различия в системах налогообложения государств-членов ЕАЭС существенно влияют на экономическую эффективность применения различных базисов поставки. Механизм взимания НДС в стране назначения при экспорте товаров между государствами-членами требует от экспортера представления в налоговые органы документов, подтверждающих вывоз товара и его поступление на территорию другого государства-члена, что создает дополнительную административную нагрузку, не учитываемую стандартными условиями Инкотермс [12]. При использовании условий группы D, возлагающих на продавца обязанности по доставке товара до места назначения, возникает риск двойного налогообложения или невозможности применения нулевой ставки НДС при экспорте в случае непредставления покупателем необходимых подтверждающих документов.

Асимметрия в развитии логистической инфраструктуры государств-членов ЕАЭС оказывает существенное влияние на практическую применимость различных условий поставки Инкотермс во взаимной торговле. В результате участники рынка вынуждены использовать промежуточные решения, комбинируя различные условия поставки или дополняя стандартные условия Инкотермс специальными оговорками, что усложняет договорную работу и повышает риски споров при исполнении контрактов.

Особую актуальность приобретает проблема применения Инкотермс в контексте развития промышленной кооперации в рамках ЕАЭС, объем которой в 2023 году достиг 35,4 млрд долларов США, увеличившись на 27,3% по сравнению с предыдущим годом. Кооперационные поставки комплектующих и полуфабрикатов между предприятиями разных государств-членов часто осуществляются в рамках долгосрочных контрактов с особыми условиями ценообразования, графиками поставок *just-in-time* и специфическими требованиями к качеству, которые выходят за рамки стандартного распределения обязанностей, предусмотренного Инкотермс [13]. Попытки механического применения классических условий поставки к кооперационным цепочкам приводят к конфликтам между формальными требованиями контракта и реальными потребностями производственного процесса.

Правовая неопределенность в вопросе о применимости Инкотермс к внутренним поставкам в рамках транснациональных корпораций, имеющих подразделения в разных государствах-членах ЕАЭС, создает дополнительные сложности для крупного бизнеса. Внутрифирменные поставки, составляющие значительную долю взаимной торговли Союза, формально оформляются как международные сделки купли-продажи для целей налогового и статистического учета, однако фактически представляют собой перемещение товаров внутри единой корпоративной структуры с централизованным управлением логистикой и финансами. Применение стандартных условий Инкотермс к таким поставкам создает искусственные точки передачи ответственности и рисков, не соответствующие реальной организации бизнес-процессов, что приводит к росту административных издержек и усложнению внутрикорпоративного документооборота.

Проблема стандартизации условий поставки во взаимной торговле ЕАЭС усугубляется отсутствием единого подхода к интерпретации Инкотермс в

арбитражной и судебной практике государств-членов. Анализ решений национальных судов по спорам, связанным с применением международных торговых терминов, выявляет существенные расхождения в толковании таких ключевых понятий, как «поставка товара», «переход рисков», «существенное нарушение договора», что подрывает правовую определенность и предсказуемость коммерческих отношений [14]. Отсутствие наднационального судебного органа ЕАЭС, компетентного рассматривать частноправовые споры между хозяйствующими субъектами разных государств-членов, усиливает фрагментацию правового пространства Союза.

Развитие механизмов прослеживаемости товаров и маркировки в рамках ЕАЭС создает новые вызовы для применения традиционных условий поставки. Введение обязательной маркировки отдельных категорий товаров средствами идентификации требует от участников торговли выполнения дополнительных обязанностей по нанесению маркировки, регистрации в информационных системах и передаче данных о движении товаров, которые не предусмотрены стандартными условиями Инкотермс [15], что является причиной дополнительных переговоров и часто приводит к спорам, особенно при трансграничных поставках.

Климатические и географические особенности евразийского пространства оказывают существенное влияние на практику применения условий поставки во взаимной торговле ЕАЭС. Значительные расстояния между основными экономическими центрами, сезонные ограничения навигации на внутренних водных путях, экстремальные погодные условия в отдельных регионах требуют гибкого подхода к определению условий поставки с учетом форс-мажорных обстоятельств, не охватываемых стандартными формулировками Инкотермс. Например, поставки товаров в отдаленные районы Казахстана или России в зимний период могут потребовать изменения маршрута доставки или вида транспорта, что при жестком следовании условиям CIF или DAP может привести к невозможности исполнения договора или существенному увеличению транспортных расходов.

Влияние геополитических факторов на применение Инкотермс во взаимной торговле ЕАЭС проявляется в необходимости учета санкционных ограничений, затрагивающих отдельные государства-члены. Включение крупнейших российских и белорусских компаний в санкционные списки западных стран создает сложности при организации страхования грузов, международных расчетов и транзита через территории третьих стран, что требует адаптации условий поставки к изменившимся реалиям [16]. Невозможность получения страхового покрытия от международных страховщиков делает проблематичным использование условий CIF и CIP, традиционно применяемых при поставках между странами ЕАЭС и требующих предоставления страхового полиса, покрывающего международные риски.

Перспективы совершенствования механизмов регулирования условий поставки во внутрирегиональной торговле ЕАЭС связаны с необходимостью разработки специализированных региональных правил, учитывающих специфику единого экономического пространства. Создание «Евразийских

условий поставки» или адаптация существующих правил Инкотермс к реалиям таможенного союза могли бы существенно повысить эффективность взаимной торговли за счет устранения правовой неопределенности, снижения транзакционных издержек и оптимизации логистических процессов.

Важным направлением оптимизации применения условий поставки во взаимной торговле ЕАЭС выступает цифровизация документооборота и создание единой информационной системы прослеживаемости товаров. Развитие технологий блокчейн, смарт-контрактов и электронных транспортных документов открывает возможности для автоматизации процессов передачи товаров и рисков, верификации выполнения договорных обязательств и урегулирования споров без обращения в судебные инстанции [17]. Интеграция цифровых решений в систему условий поставки позволит преодолеть многие существующие барьеры, связанные с различиями в национальных системах документооборота и правовых традициях государств-членов.

Анализ международного опыта региональных интеграционных объединений демонстрирует различные подходы к решению проблемы применения универсальных торговых правил в условиях единого рынка. Опыт Европейского союза, где широко используются упрощенные условия поставки для внутрисоюзной торговли, свидетельствует о возможности успешной адаптации международных правил к региональной специфике при условии глубокой гармонизации правовых систем и создания эффективных наднациональных институтов [18]. В то же время практика НАФТА/ЮСМКА показывает, что сохранение национальных особенностей правового регулирования требует более гибкого подхода к применению условий поставки с широким использованием дополнительных соглашений и арбитражных оговорок.

Выводы. Проблема применения Инкотермс для эффективности развития внутрирегиональной торговли ЕАЭС носит комплексный характер и требует системного решения на уровне наднациональных органов Союза. Выявленные противоречия между универсальным характером международных торговых терминов и спецификой единого экономического пространства создают существенные барьеры для развития взаимной торговли и снижают эффективность интеграционных процессов.

Основными направлениями совершенствования механизмов регулирования условий поставки должны стать: разработка специализированных региональных правил, учитывающих отсутствие таможенных границ и особенности единого экономического пространства; гармонизация национальных законодательств в сфере договорного права и страхования; создание единой цифровой платформы документооборота и прослеживаемости товаров; формирование унифицированной судебной практики по спорам, связанным с условиями поставки.

Реализация указанных мер позволит существенно повысить эффективность взаимной торговли, снизить издержки бизнеса и укрепить экономическую интеграцию государств-членов Евразийского экономического союза, создав прочную основу для дальнейшего развития единого рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Список использованных источников:

1. Холопов К.В. Нестандартные аспекты применения Инкотермс и направления дальнейшей унификации международных торговых обычаев // К.В. Холопов, А.М. Голубчик // Российский внешнеэкономический вестник. – 2016. – № 11. – С. 110-118.
2. Ушкалова Д.И. Эскалация санкционного давления: новые риски для внешней торговли России // Д.И. Ушкалова // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2024. – № 6. – С. 24-39.
3. Тегичев, М. В. FOB и CIF значение и отличия в рамках Инкотермс / М. В. Тегичев // E-Scio. – 2023. – № 3(78). – С. 593-598.
4. Голубчик А.М. Выбор международных транспортных условий поставки товаров // А.М. Голубчик // Транспорт Российской Федерации. – 2013. – № 1(44). – С. 44-47.
5. Витюк В.В. Тарифно-преференциальный режим свободной торговли между ЕАЭС и Социалистической Республикой Вьетнам и его содержание // В. В. Витюк // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2020. – № 1(90). – С. 49-67.
6. Фальченко О.Д. Комплексная методика оценки рисков во внешнеэкономических сделках // О. Д. Фальченко, Е. Г. Стремоусова, А. АЕремин // Теоретическая экономика. – 2024. – № 11(119). – С. 96-110.
7. Евразийская экономическая комиссия. О состоянии взаимной торговли между государствами – членами Евразийского экономического союза в январе-ноябре 2024 году. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/tradestat/tradereport/Report_2024.pdf (дата обращения: 05.09.2025).
8. Евразийская экономическая комиссия. Статистика внешней и взаимной торговли. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_stat/tradestat/ (дата обращения: 05.09.2025).
9. Министерство экономики Республики Беларусь. Ликвидация барьеров, ограничений и изъятий во взаимной торговле в ЕАЭС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://economy.gov.by/ru/likv_izjatij-ru/ (дата обращения: 05.09.2025).
10. РБК.Про. Внешняя торговля в 2024 году: главные вызовы и пути решения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sber.pro/publication/vneshnyaya-torgovlya-rossii-v-2024-godu-glavnie-voprosi-i-vozmozhnie-resheniya/> (дата обращения: 05.09.2025).
11. Деловой профиль. Изменения в экспорте и импорте РФ в 2025 году. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/izmeneniya-v-eksporte-i-importe-rf-v-2025-godu-vliyanie-sanktsiy-na-mezhdunarodnuyu-torgovlyu/> (дата обращения: 05.09.2025).
12. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 05.09.2025).

13. Коммерсант. Торговля ЕАЭС пока берет лишь внешние барьеры. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4140742> (дата обращения: 05.09.2025).

14. Белорусская экономическая газета. Упростим вместе барьеры при экспорте: ЕЭК проводит опрос участников ВЭД. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://neg.by/novosti/otkrytj/uprostim-vmeste-barery-pri-eksporte-eek-provodit-opros-uchastnikov-ved-/> (дата обращения: 05.09.2025).

15. Поворот России в Азию. Внешняя торговля России: изменения 2024-го и тенденции 2025 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiaspivottoasia.com/russian/vneshnyaya-torgovlya-rossii-izmeneniya-2024-go-i-tendenczii-2025-goda/> (дата обращения: 05.09.2025).

16. Евразийская экономическая комиссия. Вопрос-ответ по применению Таможенного кодекса ЕАЭС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_tamoj_zak/vopros_otvet/ (дата обращения: 05.09.2025).

17. ФТС России. Итоги внешней торговли России в 2024 году. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://osfts.ru/novosti/2025/6735-fts-predstavila-itogi-vneshnej-torgovli-rossii-v-2024-godu> (дата обращения: 05.09.2025).

18. Banks.am. ЕАЭС в цифрах: внешняя, внутренняя торговля и оценка устранения барьеров. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://banks.am/ru/news/newsfeed/22708> (дата обращения: 05.09.2025).

ЭКОНОМИКА И ПАРАДИГМА НОВОГО ВРЕМЕНИ

Международный научный рецензируемый журнал

Выпуск № 10 / 2025

Подписано в печать 15.10.2025

Рабочая группа по выпуску журнала

Главный редактор: Барышов Д.А.

Верстка: Сятынова А.В.

Корректор: Хворостова О.Е.

Издано при поддержке

Научного объединения

«Вертикаль Знаний»

Россия, г. Казань

Научное объединение «Вертикаль Знаний» приглашает
к сотрудничеству студентов, магистрантов, аспирантов,
докторантов, а также других лиц, занимающихся научными
исследованиями, опубликовать рукописи в электронном
журнале **«Экономика и парадигма нового времени»**.

Контакты:

Телефон: +7 965 585-93-56

E-mail: nauka@znanie-kzn.ru

Сайт: <https://znanie-kazan.ru/>

